

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Ольга Яновская

АМУЛЕТ
КНЯЗЯ

Современный фантастический боевик (ACT)

Ольга Яновская

Амулет князя

«Издательство ACT»

2020

Яновская О.

Амулет князя / О. Яновская — «Издательство АСТ»,
2020 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-133598-4

«Лето не баловало жаркой погодой, лишь изредка выдавались действительно солнечные дни, когда обрадованные долгожданным подарком люди спешили на пляжи, радостно ныряли в прохладную воду, резвились, как дети. Нынешний день как раз оказался из тех жарких, когда больше всего хотелось забыть о работе и предаться ничегонеделанию. Тем же, кто не мог или не умел отказаться от работы, оставалось только вздыхать и заниматься повседневными делами, в офисах, на предприятиях, дачах...»

ISBN 978-5-17-133598-4

© Яновская О., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ольга Яновская

Амулет князя

Глава 1

Лето не баловало жаркой погодой, лишь изредка выдавались действительно солнечные дни, когда обрадованные долгожданным подарком люди спешили на пляжи, радостно ныряли в прохладную воду, резвились, как дети.

Нынешний день как раз оказался из тех жарких, когда больше всего хотелось забыть о работе и предаться ничегонеделанию.

Тем же, кто не мог или не умел отказаться от работы, оставалось только вздыхать и заниматься повседневными делами, в офисах, на предприятиях, дачах.

Солнце будто прилипло к синему в белесых разводах облаков небу, затих ветер, птицы лениво прятались в тени. Над землей повисла тишина, словно природа затаяла дыхание.

Вдоль железнодорожного полотна, по едва заметной тропе шла полная женщина с тяжелыми сумками. Она отдувалась, устало оглядываясь вокруг, будто надеялась на помощь. Но никого не было. Пахло горячим металлом и смазкой, примешивался резкий запах горелой травы.

Поднявшись на пригорок, она поставила сумки прямо в пыль и перевела дух.

– Ох, тяжело, – проговорила она, сжала и разжала покрасневшие от тяжелой ноши ладони, поморщилась. – Ведь говорила же дочке, что буду сумки тащить. Но она же занята! Не могла за матерью заехать на дачу!

Поморщилась и вдруг замолчала. Близоруко сощурившись, стала вглядываться в придорожные кусты.

– Это что же там такое? – пробурчала женщина. – Никак блестит что-то.

Она вытянула шею, даже на цыпочки поднялась. Снова что-то блеснуло, но разглядеть, что именно, не получилось, мешали густые заросли.

Тогда дачница оттащила в сторону от тропинки сумки и, поминутно оглядываясь, вошла в заросли. Упругие ветки неохотно поддались, и женщина, приглядевшись, испуганно ойкнула и отскочила. Ветки с шелестом сомкнулись.

Дачница постояла, прижимая руки к груди и успокаивая дыхание. Наконец, решившись, она уверенно вошла в заросли.

На примятой траве лежал человек. Темные короткие волосы слиплись от крови, лицо скуластое, темное от загара расцарапано, будто он дрался с кошкой.

Брюки из какой-то грубой домотканой ткани в нескольких местах разорваны и взялись бурой коркой. Длинная рубаха, подпоясанная кожаным плетеным ремнем, покрыта комьями грязи.

Женщина с сожалением покачала головой.

– Молоденький еще, – вздохнула она. – Кто ж тебя так-то?

Вдруг парень застонал и разжал ладонь, в траву тонкой змейкой скользнула золотая цепь. Именно на ее алмазных гранях отражались солнечные лучи.

Дачница воровато огляделась и подняла цепь.

– Красота какая!

Повертела в ладонях, пропустила сквозь пальцы сверкающую упругую нить, любуясь игрой света на гранях.

– Боже мой! – восхищенно выдохнула она.

Снова раздался стон. И женщина не глядя запихнула в карман цепь, а из другого вытащила телефон.

* * *

Парень открыл глаза и, щурясь, огляделся.

– Пришел в себя? Чудесно.

Перед ним стоял мужчина в белом халате и жизнерадостно разглядывал его. На пухлом розовощеком лице светилась такая искренняя радость, словно он увидел собственную маму.

По обеим сторонам от кровати парня было еще по соседу и три пустые кровати напротив.

Казенные тумбочки, уставленные термосами, банками с супами и кашками, а из пакетов виднелись яблоки и апельсины.

Казенные кровати с сеткой, застиранное постельное белье со штампом медицинского учреждения. Словом, обычная больница.

– К вам уже приходил следователь, – сказал врач, снова искренне чему-то радуясь. – Что с вами случилось?

Парень задумался, силясь вспомнить, устало потер рукой лоб, нащупав повязку.

– Осторожнее, у вас гематома на левой стороне головы, проще говоря, великолепная шишка. Крепко досталось. Состоите в какой-то секте?

– Почему вы так решили? – спросил парень, никаких воспоминаний не было, пусто, как в заброшенном городе. Только что-то неопределенное мелькает, словно призраки.

– Одежда на вас была странная, когда доставили. Мне сразу представилось что-то такое деревенское, старинное. Словно вы были не в городе, а в глухом селе.

– Я не помню.

– И что это за шнурок на шее? Из чего он? Чем мы только ни пытались его срезать, ничего не получилось.

– Я не помню, – повторил парень и закрыл глаза.

– Ну ладно, не буду вам докучать. Отдыхайте.

Врач ушел, мурлыкая под нос какую-то веселую песенку.

– Эй, сосед! Тебя как звать?

– Павел, – не глядя ответил он. Только потом повернулся на хриплый голос. На кровати рядом лежал мужик с помятым лицом старого пьяницы, толстым носом с красными прожилками и обвисшими, как у бульдога, щеками.

Он кашлянул и, оглянувшись на закрытую дверь, сказал:

– Ты, видать, счастливчик. Я слышал, как Лаврентьевич, врач наш, говорил, что ты едва коньки не откинул.

– Отстань от человека, – пробурчал другой сосед. – Не видишь, не до тебя.

Павел попытался вспомнить, что же с ним произошло. Но в голове не появилось ни одного воспоминания. Навязчиво лезли мысли о прогулках на работе, что на это скажет его начальник, когда даже за малейшее опоздание он поднимал дикий крик и грозился немедленно всех уволить. Думалось о потерянной записной книжке, в которой были важные адреса.

Так он и заснул, убаюканный неторопливым течением мыслей, а во сне чего только ни привидится. Например...

...Электричка шла неторопливым ходом, за окном мелькал загородный пейзаж. Одиночные домики на пригорках и в низинках кокетливо прятались за высокими деревьями, попадались заброшенные кладбища, заросшие и непроходимые, как дебри джунглей.

Павел придерживал рюкзак и удочки. Он и два его друга возвращались с рыбалки, выходные кончались, но так не хотелось возвращаться домой, с утра идти на работу и всю неделю вспоминать о выходных.

Никита, светловолосый крепыш с чуть надменным узким лицом, азартно спорил с попутчиком.

– Нет, не может такого быть! Ты хочешь сказать, что попади я в экстремальные условия...

– Струсишь, – подхватил попутчик и подмигнул ему, при этом узкая козлиная бородка вздрогнула, словно тоже насмехалась над собеседником.

Сколько было лет попутчику, Павел не смог бы сказать. В первый момент ему показалось, что тот моложе их, хоть и отпустил нелепую бороду, но, встретившись взглядом, понял, что перед ним вполне зрелый человек, много повидавший на своем веку, явно немаленьком.

Павел почти не прислушивался к спору. Несмотря на проведенное время на рыбалке с ночевкой, он не устал. А может, не устал как раз благодаря проведенному там времени. Он лениво смотрел на пейзаж за окном и не хотел ни о чем думать.

Аркадий, второй друг, рыжий толстяк, привычным жестом потер щеку с веснушками и вмешался:

– Напрасно, вовсе не обязательно человек, попав в переделку, струсит.

– Неподготовленный человек! – уточнил попутчик. – Вот как ты или твой молчаливый товарищ.

– Да за Пашку я готов ручаться! – со смехом ответил Аркадий, снова потерев щеку с веснушками. – Вот уж кто выкрутится из любой переделки!

Глаза собеседника азартно сверкнули, он даже подпрыгнул на месте.

– Не может быть! И он даже готов поспорить со мной?

Павел лениво отмахнулся, мол, отстаньте, недосуг ввязываться в глупый спор. Но попутчик оказался прилипчивой жвачки в волосах.

– Парень, а давай поспорим? Согласен?

Павел усмехнулся, нелепее разговора еще не было. И чтобы отвязаться от надоеды, кивнул.

– Договорились! – радостно выкрикнул попутчик и громко хлопнул в ладоши...

Павел вскрикнул и резко сел. Сон казался таким реальным, словно все было на самом деле. Он прислушался к себе и с удивлением понял, что это был не сон. Это действительно произошло. Но давно, словно в прошлой жизни.

Давешний любопытный сосед куда-то исчез. «Наверное, за пивом побежал», – почему-то злорадно подумал Павел.

Второй сосед спал, укрывшись одеялом почти с головой, только торчали седые космы, хотя в палате было даже жарко.

Тихо-тихо открылась дверь, и в палату, словно ленивый кот, втиснулся Аркадий.

– Все-таки нашелся! – радостно завопил он, но тут же прикрыл рукой рот. На цыпочках подошел к кровати Павла и плюхнулся на хилый табурет.

– Ну и удивил же ты нас, дружище. Куда ты пропал? Словно испарился из электрички.

Снова хлопнула дверь, и Павел улыбнулся новому гостю.

– Привет, Игорь, – сказал он.

Мужчина сел на краешек кровати, и по палате разнесся пронзительный скрип.

– Тише, соседа разбудите, – зашикал Павел. – А ты изменился, братишка. Чего такой бледный?

– Сказал бы я тебе, – обозлился мужчина. – Жаль, на больничной койке, а то...

Но Павел только улыбнулся. Игорь хоть и выглядел грозно, но в душе обожал младшего непутевого братишку. После смерти родителей много лет назад из всей семьи только они и остались. Никого роднее не было.

– Где ж тебя черти носили?

Пригляделся, словно впервые увидел.

– Мышцы накачал, окреп. Где ты был?

– Я не помню, – в который раз повторил Павел. – И сколько же меня не было?

– Год и три месяца.

– Сколько?! – взвыл Соболев. Посмотрел на друга, но тот кивнул, подтверждая слова Игоря.

– Что случилось в электричке? – продолжал выспрашивать брат. – Это помнишь?

Павел прикрыл глаза и задумался. Как могли испариться из памяти события за такой огромный срок? Что же произошло после того, как странный попутчик хлопнул в ладони?

Соболев открыл глаза и нахмурился. На лице Аркадия сияла искренняя радость, и Павлу отчего-то стало мерзко.

– Ты не знаешь, с кем Никита в электричке спорил? Помнишь, он еще с какими-то вопросами приставал?

– Не знаю, – Аркадий нахмурился. – Чокнутый какой-то. Все приставал к тебе с вопросами. Что было-то?

– Не помню, – похоже, эти два слова становились привычными для Павла. Но он действительно не мог вспомнить, чего же такого ляпнул, чтобы отвязаться от попутчика.

– Кстати, Никита тоже пропал, – так же радостно сказал Аркадий.

Павел удивленно покосился. С чего бы такая радость, но промолчал, – не до того. Вместо этого спросил:

– Когда пропал? – Что-то всколыхнулось в душе Павла. Обида или злость – он еще не разобрался.

– На следующий день после тебя. Не встречал?

– Нет. Не обижайтесь, но я устал.

– Конечно! – заторопились посетители, а когда за ними закрылась дверь, Павел стал мучительно искать в памяти хоть намек на события последнего года. Ему казалось, что это необыкновенно важно. Оставалось только найти ответ на простой вопрос: где он был все это время?

* * *

После выписки из больницы Игорь привез брата домой. Позади остались изнурительные допросы следователя, дотошного и подозрительного, бесконечное лечение, от которого Павлу становилось тоскливо, а в голове билась одна мысль: сбежать!

Павел ходил по квартире, прикасался к знакомым вещам, каждая мелочь откликалась, словно давняя знакомая.

Братья сели на кухне, Игорь достал из холодильника початую бутылку водки, рюмки и поставил на стол. Разлил ювелирно до самого края.

– Не повредит, – прогудел он. – Так и не вспомнил ничего?

Павел улыбнулся и выпил.

– Странное чувство, будто давно в рот не брал. Почти забытый вкус.

– Ладно, братишка, выпей еще. Может, вспомнишь что-нибудь, – улыбнулся Игорь. – Я до сих пор не понял, как можно испариться из вагона электрички? Кругом народа много, рядом два друга. Пусть остальным глубоко плевать на тебя, и никто не обратил внимания, что не стало человека, который сидел всего минуту назад. Но как могли проморгать твои друзья?!

– А у них спрашивал?

– Только у Аркашки, – Игорь выпил водки, поморщился и отодвинул бутылку в сторону. – Он говорит, что ты и тот странный попутчик встали и стали пробираться сквозь толпу к выходу. Будто бы глаза у тебя были странные, он испугался и бросился за тобой. Говорит, людей было много, он в толпе потерял тебя.

– А Никита? – спросил Павел и отчего-то разозлился. – Он что говорил?

– Ничего, – мрачно ответил брат. – Он словно сквозь землю провалился вслед за тобой. Его тоже не нашли.

– Аркадий говорил, что он пропал на следующий день, – с сомнением покачал головой Павел.

Усмешка на лице Игоря рассказала многое. Он научился прекрасно понимать брата без слов.

– Врет он всё. Я уверен, что что-то скрывает. После вашего исчезновения Аркашка целый месяц из дома носа не казал. Словно боялся чего-то. Больным прикидывался, только я однажды вошел к нему без приглашения.

Павел улыбнулся и кивнул. Уж как входит разозленный брат, Соболев знает отлично.

Павел помнил крохотную пристройку в доме Аркадия, там двоим просто не разминуться. А когда входил Игорь, он занимал собой все пространство.

Представил, как мать Аркадия, рыжая молодящаяся толстушка, не пускала его. Он наверняка отодвинул ее в сторону и протиснулся мимо.

Когда брат сердился, он становился похож на разбуженного посреди зимы медведя. И что почувствовал Игорь, потеряв единственного близкого человека, Павел представлял. И точно знал, что остановить разъянренного брата не смог бы и танк.

– И что сделал Аркадий? – спросил он.

– Под одеяло забился, еле вытащил его оттуда, – и братья рассмеялись, представляя красочную картинку. – Он что-то блеял про огонь и ад. Будто бы тебя утащил демон. Я ему чуть голову не оторвал от злости.

Помолчали. Павел тоже отодвинул стопку, отчего-то забытый вкус вызвал отвращение.

– Жаль, что не помнишь, – сказал Игорь. – Любопытно было бы узнать, где ты так раздобрел. Вон какие мышцы накачал. Еще немного пожил бы там, и меня догнал бы.

И согнул руку, показывая мощный бицепс.

– Кстати, сегодня тренировка. Без Никиты, конечно, не то. Но может, пойдешь, разомнемшься?

Привычная жизнь окутывала Павла, как теплое одеяло. И это было невероятно приятно.

Игорь увлекался холодным оружием, и нашел таких же энтузиастов, как сам. Они сделали деревянные мечи, сабли, даже пару кинжалов и одну дагу, отыскали человека, который согласился их обучать, и организовали что-то вроде клуба по интересам. Вскоре к ним присоединился Никита, и оказалось, что семнадцатилетний мальчишка владеет холодным оружием едва ли не лучше всех. Там же Игорь с ним и познакомился, а потом привел в клуб Павла.

Дождавшись кивка брата, Игорь обрадованно вскочил.

– Иди, собери сумку.

– Игорь, а с работой что? Не знаешь? Уволили меня?

– Скорее всего. Тебя ведь объявили пропавшим без вести.

Их прервал звонок в дверь, и Игорь пошел открывать. Послышались тихие голоса, всхлипы. Озадаченный Павел вышел в прихожую и смущенно остановился. На него смотрели огромные глаза пожилой женщины, полные отчаянной надежды. Это была мама Никиты.

– Пашенька, – выдохнула она.

– Лариса Олеговна, проходите, – засуетился Павел.

Он усадил женщину в кресло и, оглядевшись, сел прямо на пол у ее ног.

– Пашенька, ты вернулся. А ведь вас с Никитушкой уже искать перестали.

Павел кивнул, ему было больно смотреть в глаза женщины, влажные от слез.

– Расскажи мне всё, прошу тебя. Ты знаешь, где Никита?

– Нет, – Павел смотрел в пол, боясь поднять взгляд и увидеть боль и отчаяние в ее глазах. – Я ничего не могу вспомнить. Доктора говорят, что это временное явление и, может быть, скоро пройдет...

– Да... да... да... Мне говорил следователь. Но может, ты хоть что-то вспомнил?

– Простите. Я действительно не помню абсолютно ничего.

Женщина тяжело поднялась и направилась к двери.

– Ничего, – сказала она, погладила руку Павла и заглянула ему в глаза. – Однажды и Никита вернется. Я подожду. Ты ведь расскажешь мне, если вспомнишь что-нибудь?

– Конечно.

Павел закрыл дверь и без сил привалился к ней спиной. Игорь стоял в двух шагах от него и молчал.

– Она даже к гадалкам ходила, – тихо сказал он. – К экстрасенсам разным. И твою фотографию брала.

– И что они говорили?

– Что не могут найти. Но и среди мертвых вас нет.

Павел усмехнулся и махнул рукой.

– Ладно, – решил он. – Пойдем на тренировку. По-прежнему Татаринов гоняет моло-дежь?

Игорь расхохотался, отгоняя тяжелые мысли, и кивнул.

– А куда ж он денется, старый лось?

Знакомый до боли спортивный зал, который они арендовали в школе, показался Павлу пределом мечтаний. Он остановился на пороге, окунул взглядом выкрашенные зелено-красной стены со шведскими лестницами и щитами с кольцами для баскетбола, заметил несколько облупившихся досок на полу и расплылся в улыбке. Как же он, оказывается, скучал за всем этим!

В зале еще никого не было, лишь какой-то мальчишка лениво елозил мокрой тряпкой по полу. В коридоре за спиной Павла пробежали припозднившиеся девочки, захихикали и торопливо скрылись за поворотом.

Павел переоделся и вышел в зал.

– Забыл, наверное, всё, – усмехнулся Игорь. – Побегай, разомнись.

Понемногу в зал стали заходить парни и зрелые мужчины, намного старше Игоря. Появление Павла встречали радостными криками и похлопываниями по спине. Он был дома, словно никогда не исчезал в неизвестность.

Торопливо в зал вбежал низенький крепыш с рюкзаком за спиной. Седой, как лунь, но с темными усами, мужчина радостно заревел при виде Павла и сграбастал его в крепкие объятия.

– Слышал, что ты вернулся, – крикнул он. – Рад, рад! Сейчас проверим, не забыл ли мою науку.

И поспешил в тренерскую.

Парни принесли из шкафа деревянные тренировочные мечи, торопливо разобрали их и встали в строй. Седовласый мужчина прошелся вдоль строя и кивнул.

– Хорошо. Сегодня у нас особенная тренировка. И не только потому, что вернулся Соболев-младший, но и потому что через неделю мы едем на соревнования в область. Сегодня проведем несколько свободных поединков. Разбейтесь на пары.

Павел усмехнулся и небрежно отмахнулся от брата:

– Нет уж, прибьешь еще. Лучше кого-нибудь другого возьму в напарники.

И встал с незнакомым парнем. За прошедший год с небольшим появилось много новых людей, вытеснив старожилов. И Павел особенно остро почувствовал пустоту в памяти. Словно черная дыра, разделившая жизнь до и после.

– Начинаем по очереди, – объявил Татаринов. – Первая пара!

Парни, стоявшие первыми, встали в стойку, взмахнули мечами. Раздался глухой стук, скрежет, и один меч с треском разломился пополам.

Павел смотрел на поединок, но перед глазами стояла совсем другая картина. Широкий двор, огороженный высокими строениями, мелкая галька под ногами, а перед ним противник совсем не с игрушечным мечом. Огромный двуручный меч взлетает над головой и обрушивается на Павла…

Он встряхнулся, отгоняя странное воспоминание, а может какую-то иллюзию. Чем было оно ни было, сейчас не время.

– Павел, готов? – подошел Татаринов и усмехнулся. – Начинайте.

Противник Соболева взмахнул мечом. Павел отступил в сторону на полшага, отбил меч противника и сделал выпад. Парень удивленно заморгал, когда меч Соболева прикоснулся к его горлу.

– Неплохо, – одобрил Татаринов. – Хочешь сразиться со мной?

Павел повертел в руках игрушечное оружие и кивнул.

– Почему бы и нет. Давайте.

Парни отошли к стене, оставляя середину поединщикам, и приготовились к интересному зрелищу.

Взлетели мечи, склестнулись, по залу разнесся глухой стук. Удар, блок, выпад! Мечи летали словно живые в руках людей. Павел легко уловил темп Татаринова, перехватил направленный в живот удар и сделал выпад. Тело двигалось легко, чувствовалась нешуточная выучка. Разве что меч казался необычно легким, будто тросточка. Почему-то Соболев был уверен, что раньше держал в руке мечи гораздо более тяжелые.

Он легко уклонялся от атак, блокировал неуклюжие удары. В памяти с пугающей быстротой всплывали совсем другие поединки, и Павел видел, что нынешний противник слаб и неуклюж, как ребенок, впервые взявшей в руки палку.

Соболев позволил немного растянуться поединку. Не хотелось смущать тренера быстрой победой. Но Татаринов понял, что с ним играют, и разозлился. Метнулся вперед, надеясь лихим наскоком достать Павла в незащищенный бок. Павел отбил удар и закрутил меч Татаринова, и тот, не удержав, разжал руку.

Игрушечный меч прогрохотал по полу и замер в стороне от тренера.

Все молчали. Молчал тренер, тяжело дыша после схватки.

– Эй, откуда здесь взялась собака? – крикнул кто-то. Все обернулись и удивленно посмотрели на огромного черного пса. Он, оскалив клики, шел прямо к Татаринову и Павлу, угрожающее рычание растекалось по залу, заставляя людей испуганно хвататься за оружие. Хоть и пригодно для игры, но, вздумай пес напасть, отбиться можно.

Пес замер в двух шагах от Павла и поднял голову. Их глаза встретились. Соболев качнулся от нахлынувших воспоминаний и со стоном упал на колени. К нему кинулся Игорь, но неуверенно остановился, когда между ним и Павлом встал ощетинившийся пес.

* * *

– Что же с тобой было?

Игорь сел напротив брата и покосился на зверя у его ног. Оказалось, что это был самый настоящий волк, а вовсе не пес, как они подумали сначала.

Но дикая зверюка преданно заглядывала в глаза Павла и облизывала ему руки. И сам Соболев не отпускал его ни на шаг, гладил густую жесткую шерсть, кормил лучшими кусками мяса и разговаривал с ним, словно с человеком.

– Значит, вспомнил всё? – спросил Игорь и после кивка брата приготовился слушать.

– Ты не поверишь, – честно предупредил Павел.

– Рассказывай, – поторопил брат и нетерпеливо заерзал на табурете.

Павел неожиданно понял, что ему необходимо выговориться, чтобы понять, было ли все на самом деле. И он стал рассказывать...

* * *

В ушах все еще звучал хлопок в ладони странного попутчика, когда Павел вдруг осознал, что вместо того, чтобы возвращаться с друзьями домой, стоит посреди пустынной дороги. Ни рюкзака, ни удочек не было. А у ног лежит детская тряпичная кукла. Лицо нарисовано неаккуратно, почему-то напомнило матрешку, волосы собраны в два пушистых хвоста и сделаны из каких-то ниток или тонких веревочек.

Павел осторожно поднял куклу и повертел в руках. Мягкое тело в розовой на удивление чистой кофточке, раскинутые в стороны ручки и свисающие ножки в чем-то наподобие штанышек.

– Нелепость какая-то! – в сердцах воскликнул Соболев и замахнулся, чтобы отшвырнуть детскую игрушку подальше. Но чей-то слабый голосок остановил его, он так и замер с поднятой рукой.

– Не бросай! Покорми меня!

Еще не веря своей догадке, он опустил руку и посмотрел на куклу.

– Покорми меня и тогда задавай вопрос, – снова раздался писклявый голосок. Нарисованные губы куклы чуть дернулись, как в плохом мультике.

– Что?

Но кукла молчала.

– Ладно, – сказал Павел сам себе, – спокойно. Должно же быть всему этому объяснение, в мистику я не верю, в зеленых человечков тоже... Разве что с большого перепоя... Значит...

А вот что «значит» он не знал. Еды не было, поэтому поесть не могли ни он сам, хотя голода еще не чувствовал, ни кукла.

Решив не забивать голову вопросами, на которые не мог найти ответы, Павел однако положил куклу в карман ветровки и огляделся внимательнее.

Дорогой явно пользовались редко. Был полдень, судя по солнцу прямо над головой, а никто до сих пор не проехал. С одной стороны прямо к дороге подходила степь, по большей части трава была сухой, желтой, лениво качались колючки на толстых стеблях. Вдалеке Павел увидел кружашуюся стаю воронья, черная туча то падала к земле, то снова поднималась, слышалось пронзительное воронье карканье. И Павлу даже не хотелось думать, что они там нашли. С другой стороны был лес.

И видимо, здесь было лето, Павел понял, что ему жарко в ветровке. Раньше как-то было не до того, отойти бы от шока. Пришло снять ее.

С обеих сторон дорога делала повороты. «Что ж, очень удобно, – подумал Павел. – Иди в любую сторону, не ошибешься».

И пошел туда, где поворот был ближе.

Потом был еще поворот, потом еще. Только к вечеру за очередным поворотом показалось какое-то строение. Почти вплотную к дороге жался довольно большой дом, обнесенный невысоким частоколом, широкая калитка гостеприимно распахнута настежь. Подходя, Павел сначала услышал лошадиное ржание, цоканье копыт, оживленные голоса людей, в нос уда-

рила смесь запахов навоза, пота, свежего сена, раскаленного металла, и сразу же раздался стук молота кузнеца.

Судя по всему, это был постоянный двор.

Чуть помявшись, Павел направился к воротам. Денег, конечно, у него не было. Какие тут деньги в ходу? На каком языке говорят? Ему уже было все равно. Ноги гудели от долгого перехода, во рту пересохло, и он то и дело проводил языком по сухим губам.

Войдя на широкий двор, Павел огляделся. Рядом с большим домом чуть в стороне располагались конюшни, видны были две холеные лошади, видимо гостили богатые путники, с другой стороны дома была кузница, оттуда шли волны жара и запах раскаленного металла.

Во дворе никого не оказалось, лишь пробежал мальчишка, бросил быстрый взгляд на Павла и поспешил скрыться в доме. Соболев немного удивился. Странная одежда мальчишки напомнила исторические фильмы, словно он сам попал на съемки такого.

Тут на глаза ему попался колодец, он едва виднелся из-за кузни. И Павел поспешил туда. Ворот без скрипа раскрутился, донесся далекий удар ведра об воду, плеск, и Соболев навалился на ворот, спеша поднять ведро. Он с жадностью приник к холодной прозрачной воде, она показалась такой сладкой и вкусной, какой он не пробовал никогда.

– Ты кто такой?

Павел от неожиданности едва не выронил ведро. Он резко обернулся и смущенно оглядел рослого толстяка в грязном переднике, из-под передника виднелись короткие рваные штаны неопределенного цвета. Собственно, это составляло всю одежду толстяка. Тот в свою очередь с недовольством оглядывал неожиданного гостя, поглаживая седую, лопатой бороду, седые же космы были собраны с пучком, но почти растрепались, но это совершенно его не волновало.

– Ты кто такой? – строже рявкнул толстяк, видя, что гость не торопится с ответом.

– Я… Я иду в город, но по дороге случилась беда, меня ограбили, отняли все деньги, – на ходу стал выдумывать Соболев. – Я подумал, может, у вас найдется работа для меня. Я много чего умею.

– Что же ты умеешь? – Усмехнулся толстяк. – В кузнице работал?

– Нет.

– На поле? А может стряпать умеешь?

Павел уверенно поглядел на толстяка с видом человека, которому терять совершенно нечего, и потому даже море по колено, портки не замочит.

– Я всё могу.

– Ты гляди, – восхитился толстяк, не поверив ни слову, усмехнулся в бороду и сказал: – Ну ладно, поглядим. Ты есть хочешь? Или сыт?

– Не отказался бы поесть.

– Тогда иди в общий зал, я велю подать чего-нибудь. Да садись где-нибудь у стены, не лезь к богатым гостям.

Павел кивнул, подхватил ветровку и пошел к дому.

В общем зале было чисто, занятymi оказались только два стола, да и то по три человека на каждый. Гости вели неторопливый разговор, слышался негромкий гул голосов, изредка прерываемый стуком чашек. Павел прошел в самый дальний угол и сел, устало прислонившись к стене. Только теперь он ощутил усталость.

Неизвестность и невероятность происходящего утомили больше тягот дороги. В голове толкали одна другую множество мыслей. А ответы оставались неизвестны.

Вспомнил о кукле, но решил отложить ее кормление на потом. Сейчас не было ни сил, ни желания.

Толстяк показался почти сразу, по его знаку появилась маленькая хрупкая, как тростиночка, девушка и поставила перед Павлом миску с двумя кусками жареного мяса, сыр и боль-

шую горбушку хлеба, рядом с тихим плеском встал толстопузый кувшин. Пиршество для голодного гостя!

Толстяк не спешил уходить, он сел на лавку напротив Соболева и с усмешкой поглядел на него. Есть хотелось зверски, и Павел, не обращая внимания на толстяка, принялся за еду.

Тот молча наблюдал, но если рассчитывал испортить аппетит, то напрасно. Павел никогда не оглядывался на такие мелочи.

Лишь увидев пустые миски, толстяк начал разговор:

– Меня зовут Тихон. Я – хозяин постоянного двора, еще кузнец. А ты, путник, откуда идешь?

– Издалека, – ответил Павел, отводя взгляд.

– Понятно. В город, говоришь, шел? И что тебе в городе понадобилось?

– Работу хотел найти.

– Ага, ага, – протянул Тихон, о чем-то размышляя.

Павлу совершенно не понравился взгляд толстяка. Острый, как кость, проныкал насквозь. Толстяк же не поверил ни слову! И Павел это понял.

– Ну, вот что, – сказал Тихон. – Есть для тебя одно дело. От тебя и потребуется-то немного.

Он помолчал, изучая лицо Соболева, скрестились взгляды карих Тихона и синих Павла глаз, стали ломать друг друга. Первым сдался Павел.

– Сейчас мой сын отведет тебя в подвал, – сказал Тихон, за его спиной неслышно появился щуплый, сутулый мальчишка и поглядел на гостя неожиданно злым взглядом, Павел заерзал, словно на углях. – Там он всё объяснит тебе. А что будет неясно, потом узнаешь.

Павел прихватил горбушку хлеба и сунул в карман. Шел за мальчишкой, а сам оглядался. Что-то неправильное было в происходящем, может от того, что он вообще мало понимает мир, где оказался. Что тут скажешь? Остается идти, куда посылают, и смотреть в оба. Авось что-нибудь прояснится.

Павел вслед за мальчишкой спустился по деревянной лестнице, пятно от его фонаря выхватило узкий проход с двумя дверями. Мальчишка подошел ко второй, загремели ключи, отпирающие замок. Пронзительно скрипнул засов, и крепкая деревянная дверь открылась.

– Проходи, – сказал мальчишка, но вошел первым.

Он зажег два факела на стенах и вернулся к двери.

– И что? – растерянно спросил Соболев.

– Хе… Посиди пока здесь.

И захлопнул дверь, со скрежетом заперев замок. Павел кинулся к двери, ударился всем телом и отлетел назад, проехавшись по земляному полу.

– Что за?!

Его неожиданная камера оказалась маленькой, пустой и душной. Никакой вентиляции тут не было, и воздух казался тяжелым и вязким.

– М-да, – протянул Соболев и высказался о ситуации и гостеприимном хозяине. Кажется, полегчало. В кармане неожиданно что-то завозилось, Павел испуганно подскочил и, чуть не вырвав карман, достал куклу. Та безвольно болтала в руке, глядя на него нарисованными глазками.

«Ладно, – подумал Соболев, – в таком положении и в куклы начнешь играть, лишь бы понять, куда вляпался».

Он уселся около стены и положил куклу перед собой, достал хлеб.

Вот чего он не ожидал, так это улыбки на лице игрушки. Словно маленькая копия человека, она неторопливо уселась на полу, подгребла поближе хлеб и игриво подмигнула обалдевшему парню. Нарисованное лицико ожило, вмиг став вполне человеческим, словно пропустило сквозь кукольную маску.

— Конечно, я не очень люблю хлеб, — недовольно заметила кукла детским голосом, — но для знакомства сойдет. Лучше приноси конфеты или еще какие сладости.

— Учту, — кивнул парень.

Он не увидел, как кукла ела, хлеб просто исчез.

— Меня зовут Лиза, — спокойно сказала кукла и поспешило добавила: — Да знаю, я кто ты! Спрашивай уж, вижу, что не терпится.

Павел растерялся. Вопросов было столько, что он не знал, с какого начать.

Хотя вопросы возникают только, если что-то знаешь, но остается какая-то неясность. А если не понимаешь вообще ничего, остается только разводить руками.

Но кукла ждала, и он начал:

— Что происходит?! Где я? Как попал сюда?

— Хм... Боюсь, что на все вопросы не смогу ответить. Хлеба недостаточно для таких вопросов, — недовольно ответила кукла.

— То есть как?!

— По угощению и ответ. Тебе лучше не ждать здесь хозяина, за тобой уже едут.

— Кто? Что им нужно?

Кукла недовольно поджала губки.

— Да где я тебе конфеты возьму?!. — возмутился Павел, но тут же сбавил тон: — Ладно, ладно. Что мне делать?

— Я могу позвать полевиков, они выведут. Но пообещай отдать им первую кровь, — поглядела на Павла и уточнила: — Отдай первого, кого убьешь.

— Само собой, — кивнул он, слегка смущившись. Как-то не приходилось раньше убивать.

Кукла снова шаловливо подмигнула ему и вдруг опала мягкой пустышкой. Павел тупо глядел на игрушку, соображая: на самом деле он только что разговаривал с ней, или это бред от недостатка воздуха.

Впрочем, бред продолжался. Мягкая земляная стена осыпалась, заполнив почти всю камеру, появился узкий темный проход.

Павел, торопливо запихнув куклу в карман, поспешил в проход. Увязая и оскальзываясь на рыхлой земле, он почти бегом шел по проходу. Свет постоянно сопровождал его, сочился, словно влага, откуда-то сверху. Павел оглянулся лишь однажды, но за спиной, чуть не наступая на пятки, появлялась стена, и он шел дальше.

И когда оказался на поверхности, вдохнул свежий воздух, наконец, огляделся. Он оказался совсем недалеко от постоянного двора. Покуда хватало глаз, расстипалось поле, засеянное кукурузой. Высокая ботва лениво раскачивалась от ветра, созревшие початки кукурузы манили сорвать.

Вдруг за спиной послышался свист и вопли. Павел оглянулся. За ним спешили всадники, человек пять, они отчаянно нахлестывали коней и что-то кричали.

Соболев не стал дожидаться всадников и пустился бежать, петляя, как заяц. Под ноги то и дело попадалась трава и камни.

Земля под ногами задрожала от топота копыт.

Павел оглянулся, не сбавляя шага, и успел увидеть, как первый всадник раскручивает что-то вроде тряпки. Праша! А дальше — удар точно в лоб и темнота.

* * *

В голове стоял такой звон, словно Павел оказался в огромной кастрюле, и кто-то добрый хорошенъко стукнул по ней.

Боясь открыть глаза, чтобы не вызвать более сильного приступа боли, Соболев застонал и попытался припомнить, по какому поводу он вчера так напился, а главное с кем. Но ничего

подобного не вспыпало в памяти, отчего он сделал вывод, что пил даже больше, чем мог представить.

Он повернулся на бок, рукой отыскивая подушку, но озадаченно замер. Определенно его кровать не могла быть такой твердой и холодной, к тому же даже с большого перепоя он не стал бы насыпать на кровать траву.

В душе всколыхнулось беспокойство. Павел открыл глаза и рывком сел. Теперь он точно знал, что никакого праздника вчера не было, а была погоня и удар камня по голове. А вот и шишка отыскалась, стоило прикоснуться ко лбу. Соболев зашипел и оставил попытки исследовать шишку, и так ясно, что украшение он приобрел не самое маленькое.

А когда огляделся, то и вовсе потерял всякую надежду. Он сидел на соломе в самом углу небольшой камеры.

С одной стороны камера была ограждена решеткой с крупными ячейками, там же была и дверь. А дальше тянулся пустой коридор и терялся во мраке.

Остальные три стены были сухими и теплыми. Видимо, приближался вечер, судя по тому, как сквозь небольшое окно с крупной решеткой проникал свет. Прямоугольное пятно света от окна приближалось к потолку, играво подмигивая Павлу, то исчезая, то снова появляясь, – видимо, солнце все чаще пряталось за тучи. Вскоре в спертом стоячем, как болото, воздухе камеры запахло дождем. И это было невероятно приятно, потому что из отхожей ямы в противоположном углу шел тяжелый отвратный запах.

Павел подошел к окну и выглянул. Для этого ему пришлось ухватиться за прутья и подтянуться. Он увидел пустой двор, присыпанный чистым песком, чуть в стороне невысокие постройки с такими же окнами, как у него. И ничего больше.

Вздохнув, Соболев отошел от окна и присел рядом с толстой цепью. Один конец был вмурован в стену, а второй заканчивался широким кольцом. Павел взялся за металл и поднял. Цепь зазвенела, нехотя отрываясь от земли, и Павел, крякнув, уронил кольцо. Кузнец, ковавший это, поработал на совесть и металла явно не пожалел. Весила такая цепь немало, и Павел искренне посочувствовал несчастным, которых сажали на нее, как собак.

А еще он искренне понадеялся, что не окажется на их месте.

– Здравствуй, рыбак.

Соболев от неожиданности подпрыгнул и испуганно замер. За дверью камеры стоял тот самый парень, который приставал к нему в электричке, и после хлопка которого он оказался здесь.

Соболев чуть не задохнулся от радости, он кинулся к решетке и заметался вдоль нее.

– Это ты! Наконец-то знакомое лицо. Как я рад тебя видеть, парень!

Но тот не спешил открывать дверь, и Соболев наконец притих. Только теперь он разглядел странный наряд парня. Черные широкие штаны, заправленные в высокие сапоги, рубаха из какого-то плотного материала, а сверху на плечи наброшен тяжелый черный же плащ, застегнутый большой золотой брошью. В руке он держал длинный посох, оканчивающийся крупным прозрачным камнем, вставленным в металлическую оправу.

Парень снисходительно улыбался, разглядывая Соболева, и молчал.

– Кто ты? – спросил Соболев. – Зачем загнал меня сюда?

– Меня зовут Вернон, – ответил парень. – Я придворный колдун.

Сказал и усмехнулся.

– Моему господину нужен новый слуга. Ты подойдешь ему.

– И кто твой господин?

– Он здешний князь. Зовут Дорин. Он врагов нажил множество. Спеси много, а ума боги не дали.

– А тебе он зачем?

Вернон помедлил с ответом, улыбнулся. Улыбка у колдуна вышла мечтательной, словно он увидел сладкий сон.

– Есть причины. Но тебе будет не интересно. Спроси лучше, зачем мне понадобился ты.

Ответить Соболев не успел. Слегка опешив, он смотрел на приближающегося молодого человека. Свет от факелов играл на россыпи камней, украшавших одежду, стекал по мягкому бархату и путался в дорогих мехах. И это летом-то!

Молодой князь остановился перед решеткой и оглядел Соболева с некоторой долей любопытства. Оглянулся на сопровождающих его воинов и снова посмотрел на пленника.

– Это он? – вопрос был адресован колдуну, и тот в ответ кивнул. – Заканчивай обряд, я тороплюсь.

Колдун поклонился господину и обернулся к Павлу.

– Подойди к решетке и просунь обе руки, – приказал он.

Но Павел не торопился. Ничего хорошего ему это не сулило.

– Если не сделаешь, как велю, тебя прирежут, – сказал колдун. – Советую поторопиться.

Павел глянул на двоих воинов и поспешил выполнить приказ. Уж больно хмурые у них были рожи.

Но едва он высунул руки сквозь прутья, как воины ухватили его так, что он и двинуться не мог, словно попал в капкан.

Колдун подошел ближе и вынул небольшой нож. Примерился и быстрым движением коснулся руки пленника. Павел вздрогнул, и снова замер, из рук воинов не так-то просто вырваться.

Порез оказался неглубоким, но кровь тяжелыми каплями закапала на пол.

Колдун спрятал нож и вынул склянку с синей жидкостью. Едва слышно чокнула крышка, и Вернон аккуратно вылил содержимое склянки на рану Павла. Жидкость оказалась холодной, как лед, и Павел поморщился.

– Ну, вот и все, господин, – сказал Вернон. – Ваш амулет готов.

Павла тут же отпустили, и он отошел от клетки, зажимая рану.

– Что ты со мной сделал?

Колдун был в хорошем настроении и охотно принял объяснить:

– Завтра мой господин отправится в дорогу. Путешествие будет опасным. Я же знаю обряд, который поможет ему выжить, если на него нападут и ранят, а то и вовсе нанесут смертельную рану.

– Что-то мне не нравится твой рассказ, – сказал Павел, поглядывая на князя.

Тот слушал с интересом и не пытался вмешиваться. И колдун продолжал:

– Тут ты прав. Дело в том, что все раны илиувечья, которые будут нанесены князю, достанутся тебе. Даже царапина или простуда, – все перейдет тебе вместо моего господина. Должен сказать, что жизнь у него опасная, поэтому живые амулеты, вроде тебя, быстро умирают. Последний протянул почти три месяца, дольше всех. Поэтому постарайся оберегать моего, а теперь и твоего господина. От этого зависят твое здоровье и жизнь.

Дорин вынул кинжал и сжал клинок в ладони.

– Уверен? – спросил он колдуна.

– Да, господин.

И князь с силой сжал клинок. В ответ раздался крик Павла.

– Прекрасно, Вернон, – князь разжал ладонь и с довольной улыбкой осмотрел совершенно чистую кожу, вернул кинжал в ножны и распорядился: – Пусть лекарь осмотрит раны парня и сделает все, что нужно. Потом пришли мой амулет ко мне.

* * *

Через час Павел стоял перед крепкой дубовой дверью и неуверенно переминался с ноги на ногу. Мальчишка-слуга улыбнулся ему и сказал:

– Да ты не волнуйся. Наш князь будет заботиться о тебе. И работой не утруждать, и кормить сытно.

– Как собаку, – пробурчал Павел.

– Как собаку, – весело кивнул мальчишка. – Псам нашего князя живется лучше, чем слугам. Так что тебе повезло. Последние месяцы проведешь в сытости и достатке.

Эдак подбодрив, махнул на прощание и убежал.

– Гав-гав, – пробурчал Соболев и вошел в комнату.

Князь сидел за столом и что-то читал, он придерживал пергамент, чтобы тот не скатывался в рулон, и на появление живого амулета никак не отреагировал. Соболев растерянно молчал, не зная что делать. Потоптался, и от нечего делать принял оглядываться. Комната местного правителя не отличалась особой роскошью. Кровать в углу, аккуратно прибранная и накрытая покрывалом, рядом шкаф, а у окна широкий стол, за которым и сидел господин Павла.

– Как твое имя? – спросил князь, не оборачиваясь.

– Павел.

– Ты владеешь оружием?

– Немного.

На этот раз Дорин обернулся и, кажется, впервые посмотрел на Соболева.

– Здесь кинжал, – указал он на оружие рядом с собой. – Возьми его и пострайся, чтобы мы оба были живы и здоровы.

Кинжал в простых, но добротных ножнах понравился Павлу. Он сделал несколько выпадов, привыкая к новому оружию. Кивнул, довольный, и пристегнул к поясу.

– Куда вы завтра направляетесь? – спросил Павел и лишь потом сообразил, что ему, слуге, вряд ли можно задавать вопросы правителью. Но он никогда не чувствовал должного питета перед начальством. И, оказавшись в новом для себя мире, тем более не успел освоиться.

Но Дорин оказался милостивым господином, и все его недовольство выразилось лишь в удивленном взгляде. А может потому, что Соболев был не слугой, а живым амулетом, который к тому же не протянет долго. Почему бы не проявить снисходительность?

– Завтра поедем встречать мою невесту.

– Почему вы хотите отправиться сами? Это может быть опасно.

Во взгляде Дорина легко читались насмешка и снисходительность, отчего Павла бросило в жар. Он всего лишь имел в виду, что правителью не обязательно вести отряд самому, эта работа для его воинов. А встретить и привести в целости и сохранности невесту господина может любой доверенный командир с небольшим отрядом.

– Не волнуйся, Павел, меня не так просто убить.

«Конечно, ведь вместо тебя умирают другие», – едва не сказал Соболев. Он вовремя закрыл рот, не дав сорваться вертевшимся на языке словам. И Дорин очень вовремя отвернулся, не успев прочитать на лице слуги то, о чем он промолчал.

– Ты будешь спать эту ночь здесь. Принеси тюфяк и брось у двери. Ступай. Пришли ко мне Логана.

– Кто это?

Павел едва успел увернуться от метательного ножа. Он испуганно посмотрел на застрявший в двери нож и обернулся к князю.

— Когда я отдаю приказ, ты должен выполнять, раб. Если в следующий раз снова начнешь донимать меня глупыми вопросами, велю высечь. Впредь будет наука. Понял?

Торопливо кивнув, Павел поспешил сбежать.

Как оказалось, тот самый мальчишка, который провожал Павла к господину, и был Логаном, личным слугой Дорина. Павел разыскал его без труда, застав на кухне. Аппетитные запахи княжеской кухни навевали мысли о рае, и Соболев с удовольствием принял угощение от молодой кухарки.

Все уже знали о новом живом амулете правителя и приняли его как родного. Начиная от главного повара, толстого, как боец сумо, но невероятно шустрого для такой богатырской комплекции, и кончая поварятами, все жалели Павла.

Когда его усадили за стол и поставили миску с невероятно вкусными блюдами, он вдруг потерял аппетит. Уж больно это напоминало кормление на убой. Но, прогнав неприятные мысли, он принялся за угощения. Если уж суждено умереть, то хотя бы сытым. К тому же можно было прихватить аппетитный кусочек для куклы. Вот кого требовалось расспросить, так это ее. Должна же она что-то знать!

После обеда Павел отправился бродить по замку. Ему хотелось найти колдуна и хорошенько расспросить этого мерзавца. Следуя указаниям, он вышел во двор и увидел чуть в стороне башню, тонкую и высокую. Здесь жил Вернон, судя по словам слуг, покидал он башню крайне редко. Колдуна никто не решался беспокоить, чревато, знаете ли.

Но Павлу терять было нечего, и он не боялся отвлечь колдуна от высоких мыслей.

Он долго пинал запертую дверь, но никто не спешил открывать ему. Даже покричал для очистки совести, но лишь нарвался на окрик стражника. И, решив не искушать бдительных стражей, Соболев ушел.

Вернон наблюдал за беснующимся молодым человеком, как смотрят за игрой щенка. Глупый пес, думающий, что он умнее и сильнее хозяина. Интересно, окажется ли этот удачливее других? Или станет очередной неудачей чародея?

Раздосадованный и злой Павел пересек двор и собирался вернуться в замок, когда его внимание привлек шум около ворот. Их разделяло довольно большое расстояние, да и люди успели собраться, желая хоть немного развлечься.

Он легко прошел сквозь небольшую толпу. Все видели его необычную одежду и знали о новом амулете князя, потому спешили убраться с дороги от греха подальше.

Соболев сначала увидел лишь спины стражников, ощетинившихся пиками, а уж потом разглядел за ними зверя. Черный матерый волк скалился на загнавших его в угол людей, порыкивал, когда кто-то пытался приблизиться или ткнуть пикой.

Собравшиеся зеваки испуганно ахали и азартно подначивали стражников, но те не торопились нападать на зверя. Павел похлопал по плечу стоящего рядом парня.

Невысокий, худой и остроносый парень охотно обернулся.

— Логан? Тебя же князь звал, — удивился Соболев, увидев знакомое лицо.

Но парнишка беспечно отмахнулся.

— Я как раз от него.

И азартно свистнул.

— Что тут происходит? — спросил Соболев, опасаясь, что парнишка не сможет связать и двух слов.

Но боялся он напрасно. Собеседник оказался очень словоохотливым, и тут же рассказал все, что знал:

— Гляди, волчара-то попался непростой. Это чей-то тотем. Видать, рядом убили его хозяина, вот он и мечется, не может покоя найти. Его обычным оружием не взять, а заговоренное поди сырши!

— И что теперь?

– Да ничего. Загонят за внешнюю крепостную стену, да в ров столкнут. Они ужас как не любят воду. К ночи сам издохнет. Кабы хозяин был жив, так эту тварюгу нипочем не поймать, тогда бы ему ни вода, ни огонь не страшны были бы. А теперь настолько ослабел, что сам изо рва не выберется.

– А что такое тотемный зверь?

Встретив ошарашенный взгляд парнишки, Соболев нахмурился. И тот решил, что проще объяснить.

– Э-э… ну, это звери ведунов, – помедлил, взглядываясь в Павла, и пояснил: – Ведуны одинаково хорошо владеют оружием и магией, в отличие от колдунов. Эти и ножа метнуть не смогут. Так вот, у ведуна есть тотемный зверь. Если ведун жив, убить его зверя невозможно. Но стоит умереть человеку – умирает и зверь.

– И почему ты решил, что этот зверь тотемный?

– Погляди на его тень.

Павел посмотрел на мостовую, но ничего не увидел.

– И где его тень?

– На стену смотри, да повыше, – с понимающей улыбкой пояснил Логан.

И Павел послушно поднял глаза. Примерно на высоте в два человеческих роста на каменной стене виднелось какое-то бледное бесформенное пятно, от зверя к пятну тянулись прозрачные тонкие нити, мерцая в странном ритме. Соболев присмотрелся и вдруг понял, что мерцание нитей напоминает стук сердца.

Тем временем стражники стали обходить волка, оттесняя его к выходу. Зверь отступал, ощерившись в оскале.

Он делал шаг к людям, грозно рыкнув и заставляя их отшатнуться, то снова отходил.

Павел оглянулся на толпу, но люди расходились, мало кому было интересно наблюдать продолжение. И так ясно, что зверя сбросят в ров. Куда ему деваться? Одна дорога к спасению через навесной мост, да и та уже перекрыта.

Но Соболев не хотел уходить. Он, удерживая безопасное расстояние, оставался за спинами стражников и шел к воротам вслед за ними.

Когти волка заскребли по доскам навесного моста, он рявкнул и попытался напасть на людей, но те легко отбились. Павел видел, как кто-то особенно смелый увлекся и шагнул вперед, ткнулся копьем. Зверь заскулил и отступил к самому краю.

Стражники загоготали, довольные собой, и уже без страха стали подходить ближе, подталкивая волка к пропасти.

– Прягай, тварь! – рявкнул кто-то.

– Подождите! – голос Павла прозвучал слабо, и никто не обратил на него внимания. Павел не знал, почему он поступил именно так, словно кто-то крикнул ему в ухо: «Спасай!», и он метнулся вперед, заслонил волка собой. В тот же миг почувствовал удар в бок, – стражник не успел остановить пику, – и Павла обожгло болью. Он согнулся, застонали, и прижал руку к ране. А в следующий миг в уши ударили вопли стражников, ругань и рычание волка.

Краем глаза Соболев заметил черную тень, метнувшуюся к нему. Зверь прыгнул, всей тушей навалившись на Павла. Его отбросило на доски моста и выбило воздух из легких. Перед глазами замелькали звездочки от удара головой.

На грудь навалилась страшная тяжесть, вжимая в землю, а у горла он почувствовал горячее дыхание зверя.

Павел замер, боясь шелохнуться. Каждый миг он ожидал, что волк воньется клыками ему в шею, разрывая плоть и разбрызгивая кровь. Почти услышал, как трещит прокущенная плоть, а в горле закипает предсмертный хрип… Но волк с силой оттолкнулся и кинулся бежать между застывшими стражниками.

Черное тело стелилось по полу, а вслед неслись проклятия и отборный мат.

Когда волк исчез, злые, как сто собак, стражники подняли Павла. Он не успел и рта открыть, как удар кулака снова швырнул его на землю. Стражники обступили парня и принялись смаочно пинать ногами. Молча и азартно, словно молотили пшеницу. Оглушенный, Соболев сжался в комок и попытался прикрыть голову руками.

Он не услышал криков князя, сорвавшегося на визг. Не увидел, как сверкнул меч, и на землю одна за другой упали головы тех, кто так увлеченно избивал его.

Лишь облегченно перевел дух, поняв, что его больше не бьют, и провалился в беспамятство.

Вернон наблюдал за разыгравшейся трагедией, застыв в стороне от князя. Пальцы, сжимавшие посох, побелели и чуть подрагивали. А на лице застыла такая лютая злоба, что вокруг него быстро образовалось пустое пространство, всякий стремился скрыться, чтобы не попасть под горячую руку колдуна.

Однако причиной ярости было вовсе не то, что избили до полусмерти новый амулет князя, испортили только что сотворенную игрушку. А то, что безродный человек, не обладающий даже искрой колдовского дара, вмешался в расправу над тотемным зверем, и тот, против обыкновения, не растерзал его. Что-то неправильное произошло сейчас, сбив привычный порядок вещей. Не мог обезумевший от горя и отчаяния волк отпустить жертву.

В памяти что-то промелькнуло, словно призрак в темном коридоре, но Вернон не успел ухватить мимолетную мысль. Вроде бы он что-то такое читал... Кажется, там говорилось о...

– Хватит мечтать, Вернон! – в самое ухо рявкнул князь Дорин, и колдун испуганно подпрыгнул. – Что скажешь? Сильно пострадал мой амулет? Кажется, ты говорил, что нового человека не просто подобрать. Что если этот умрет?!

Дорин то и дело срывался на визг, метался по двору и бесцельно размахивал мечом. Челядь попряталась, боясь даже нос высунуть. Попадись сейчас под горячую руку, головы точно не сносить.

– Выживет, – равнодушно махнул рукой колдун. – Он молодой и крепкий, а у вас хороший лекарь. Да и я, пожалуй, помогу. Не пропадать же зря моему труду.

Отвернулся и неторопливо пошел к башне. Дорин устало опустил меч и потерянно огляделся. Двор был пуст и тих, лишь где-то за стеной слышался протяжный волчий вой.

Глава 2

Выздоровливал Павел на удивление быстро, поражая лекаря, молодого курносого мужчина с осанкой воина. Все время, что живой амулет болел, лекарь не отходил от него, чуть не переехав жить в крохотную комнатку, куда его поселили.

Раны затягивались легко, превращаясь в тонкие шрамы. Каждый день заходил князь Дорин и заботливо расспрашивал про свой амулет. За это время на теле Павла два раза появлялись новые порезы, – это князь упражнялся на мечах. Соболев понимал, что беспечность Дорина обернется большой проблемой для его амулета. Но сейчас это мало тревожило самого Павла. Он воспринимал все со спокойствием сфинкса.

Несколько раз зашел колдун, всякий раз он стоял над постелью больного и молчал, сверля его пронзительным взглядом. Лишь однажды уже у дверей он обернулся и спросил:

– Скажи-ка, волчонок, тебе снятся сны?

Если Павел и был удивлен, то скорее тем, как его назвал колдун.

– Нет.

Вернон кивнул и скрылся за дверью.

– Эй, Берт, почему он назвал меня волчонком?

Позвякивание пестика в ступке стихло, и лекарь потянулся, сладко зевнул и только после этого ответил:

– Странные все же люди. Имена, данные от рождения, легко забываются, а придуманные прозвища остаются надолго. Тебя так прозвали.

– А почему не волком? – усмехнулся Павел.

– Эк махнул. Не дорос. Будет с тебя и волчонка.

И снова взялся за ступку.

Так тянулись дни, недели. Соболев вскоре окреп настолько, что смог вставать и ходить по комнате. Видя успехи своего подопечного, Берт стал приходить реже. Он быстро осматривал раны и убегал по своим делам.

Пока живой амулет выздоровливал, приехала невеста князя, но Павел так и не увидел ее. Берт говорил, что девушка не слишком красива, зато отец дал за нее большое приданое. Ходили слухи, что казна княжеская богата лишь пустыми сундуками. Хоть аукай в каждом, ни монетки не отыщешь. Но лекарь каждый раз оговаривался, что платит Дорин исправно и честно, воины довольны и преданы. Но последний раб на конюшне знает, что в день выплаты князю лучше не попадаться на глаза, больно сердит и не сдержан бывает.

Да и свадьба была на редкость пышная, князь не поскупился на угощения и вина. Правда, сам Павел свадьбы не видел, обо всем ему рассказал лекарь.

* * *

Комната, которую выделили для Павла, была рядом с комнатой князя. Узнал Павел об этом однажды ранним утром, когда к нему вошел Логан с охапкой одежды и бросил все это на пол.

– Вставай скорее, – сказал он, расталкивая Соболева. – Господин давно встал, а он не любит лентяев.

– И что? – сонно пробурчал Павел.

– А то, что он может войти к тебе. И если застанет в постели, отправит на конюшню, а там знаешь какие мастера. Выдерут вожжами так, что любо-дорого.

– Я думал, что князь не уходит рано от молодой жены.

Логан усмехнулся и указал на стену.

– Господин почти каждую ночь спит в своей комнате. Здесь, рядом с твоей. Уж я-то знаю.

Соболев и не сомневался. Кому же лучше знать о поступках князя, как не его личному слуге.

– Кстати, – сказал юноша, – я принес тебе одежду. Твоя разорвана была и в крови. Господин велел принести новую.

– Спасибо, – кивнул Павел, вылезая из-под одеяла. – Логан, послушай, у меня в кармане была одна вещь. Старая кукла, тряпичная. Так, безделица, просто память о сестре. Где она? Я не могу найти ее.

– Не знаю. Твои вещи сразу сожгли. Наверное, куклу тоже. Извини.

«Ну, вот и всё, – подумал Павел. – Надежда на странную игрушку исчезла. Даже расспросить не успел».

– Логан, а ты как к князю попал? – спросил Павел, разглядывая новую одежду.

– Я всегда тут жил. Моя мать кухаркой была.

– И где она теперь?

– Два года назад ее засекли до смерти.

– Извини, – оторопело сказал Соболев, до сих пор не верилось, что попал в мир, где могли запросто забить человека. И это считалось обычным наказанием.

– А отец?

Логан вдруг ухмыльнулся, как чеширский кот при виде сметаны. И сказал громким шепотом:

– Мой отец – князь Дорин. Вообще-то это большая тайна, но об этом знают все.

С сомнением покачав головой, Павел рассмеялся.

– Да ты у нас наследник? Сколько тебе лет?

– Пятнадцать. Только какой я наследник? – махнул рукой парнишка. – Если только заикнусь об этом, убьют, как мать.

– А ее за что?

– Она по глупости пришла денег попросить. Я сильно заболел, а тогдашний наш лекарь только князя и его приближенных лечил. Чтобы помочи у него попросить, нужны были деньги. Вот она и пошла к нашему князю. Да видно, под горячую руку попала.

Логан нахмурился, слишком болезненными были воспоминания.

– Берт тогда учеником был у лекаря. Он когда узнал обо всем, меня к себе взял. Ночами около меня сидел, из ложечки кормил. Вот теперь я у него и живу. А князь к себе слугой взял, чтоб при деле был.

– Да. Я тоже вашему лекарю жизнью обязан.

Логан кивнул и убежал, хлопнув дверью.

Одежда показалась Павлу немного странной, непривычной, но вполне сносной. Штаны и рубашка дополнялись кожаным жилетом и крепкими сапогами. Все пришло впору, было удобным, а главное чистым. И последнее – пояс с кинжалом, который ему дал князь.

Оставшись вполне довольным, Павел вышел из комнаты и огляделся. Уже знакомый коридор уходил в обе стороны, но Павел точно, знал куда идти, чтобы оказаться во дворе.

Он так и не узнал, в чем состоят его обязанности, у каждого есть работа. У каждого, кроме него.

Выйдя во двор, Соболев постоял, понаблюдал за людьми, прислушался к перестуку молотка. Где-то недалеко была кузница. Интересная жизнь вокруг, оставалось только разобраться в ней. Вопросов много, а задать некому.

Павел вспомнил о лекаре. Что-то он сегодня не заходил, а так хотелось с кем-то поговорить.

И Павел направился к лекарю.

Он пересек двор, завернул за угол и пошел вдоль стены мимо широкой площадки. Там собралось около десятка воинов, и, позывая кольчугами, тренировались. Кто-то сражался друг с другом, слышался звон мечей и сопение противников. Один прыгал вокруг деревянного потемневшего столба, нанося ему удары мечом. И знатно обтесал его. А кто-то растягивал лук. Хлопок тетивы – и стрела уже подрагивала в мишени.

Павел остановился, наблюдая за воинами. Торопиться было некуда, а такое зрелище он увидел впервые.

Но противники почти одновременно опустили мечи и посмотрели на высокого светловолосого парня. Он кивнул и сказал:

– Неплохо. Свен, тебе надо следить за нижним блоком. Увлекаешься и забываешь о защите.

Он собирался сказать что-то еще, но замолчал на полуслове и обернулся к Павлу.

– Чего застыл? Работы нет?

Соболев растерялся, не зная как ответить. Не мог же он сказать, что работа у него одна – умереть вместо князя. Понимая, что выглядит, как дурак, он поспешил собрать остатки самобладания и ответил:

– Я – амулет князя Дорина.

– Понятно. И что ты тут делаешь?

– Иду к лекарю.

– Тогда поторопись, Берт собирался куда-то ехать.

Павел кивнул и торопливо направился к маленькому домику лекаря. Но уйти не успел.

– Эй, постой! Вернись-ка, – окликнул его все тот же парень.

Соболев обернулся, гадая, кто это такой. Судя по поведению и тому, что остальные его слушаются, видимо, занимает высокий ранг среди воинов князя.

– Иди сюда, не бойся.

Соболев подошел и покосился на меч в руках парня. Тот усмехнулся, перехватив взгляд, и сказал:

– Я Николас, младший брат князя Дорина. А ты, значит, его амулет? Волчонок? Так тебя прозвали? Зачем ты кинулся защищать этого демма?

– Кого?

– Демма-волка. Так называют тотемных зверей. Не знал?

– Не знал. Я издалека и многого не понимаю.

И добавил про себя: «Еще я не знал, что у князя есть младший брат».

– Я уж вижу, – сказал Николас. – Оружием владеешь?

– Немного.

– Возьми оружие на стойке. Посмотрим, годишься ли ты на что-нибудь.

Павел повернулся и направился к стойке. Невольно отметил, что под ногами не песок, а крупный щебень, есть риск оскользнуться. Мечей было всего три. Соболев вытащил средний и взвесил в руке, махнул крест-накрест, привыкая к оружию. И обернулся.

Княжич стоял там же, с любопытством наблюдая за новым амулетом брата. Он дождался, когда противник приблизится, и, резко вскинув меч, напал. Павел блокировал удар, раздался скрежет. Соболев, плавно шагнув в сторону, сделал выпад, целясь в живот. Но княжич успел отвести его меч, быстрым движением подсек снизу и, шагнув прямо к противнику, ударили кулаком в лицо.

Павел вскрикнул и рухнул на землю. И замер. Кончик меча княжича касался его горла.

– Неплохо для простолюдина, – сказал Николас.

Отвернулся и неторопливо направился к своим воинам.

Соболев встал и поплелся к стойке, чтобы вернуть меч. Саднила щека, расцарапанная об камни, пощипывала разбитая губа. Павел раздраженно вытер кровь и подумал, что его соб-

ственний старший брат непременно сказал бы какую-нибудь колкость. Особенно, если бы увидел, как глупо Павел проиграл поединок. И чуть не рассмеялся, вспомнив, сколько наматывал кругов по стадиону после таких проигрышней брату.

– Николас, что ты затеял?

Раздраженный голос князя разнесся над замершими людьми. Павел краем глаза заметил, как слуги прыснули в стороны, словно вспугнутые птицы. Никто не рискнул идти мимо тренировочного поля, где был князь, пребывающий в самом скверном расположении духа.

– Знакомился с твоей новой игрушкой, – ответил княжич Николас, ничуть не смущившись.

– На нем кровь. Ты ранил его?

Павел замер под взглядами дюжины людей, его словно пригвоздили к месту.

– Он просто упал, – беспечно ответил Николас. – Я не стал бы ломать твою игрушку.

– Прекрати называть мои амулеты игрушками. И не приближайся к этому парню. Ясно?

– Конечно.

Князь Дорин пересек площадку и остановился около Павла. Оглядел его и бросил:

– Иди за мной.

И, не оглядываясь, пошел к замку.

– Дорин, – окликнул его брат, – сегодня днем прибудет посол. Ты помнишь?

– Встреть его сам, – равнодушно ответил князь, неохотно обернувшись к брату. – Как всегда. Зачем я тебе понадобился?

Недовольно сплюнул и рявкнул на Павла:

– Ты-то чего хватаешься за меч? Мало досталось на мосту? Знаешь ли ты, что мои амулеты не живут долго? Знаешь?

– Да.

– Тогда зачем лезешь под мечи? Наслаждайся остатком жизни. Я ведь работы тебе не даю, кормят тебя сытно и вкусно, как меня самого. Чего тебе не хватает для счастья?

Павел не ответил и взгляда не отвел. Князь вдруг сник и сказал:

– Не я ведь это придумал. Это идея колдуна, чтобы ему провалиться. Так красиво говорил, что я не смог отказаться. Да и кто откажется, если ему предлагают уйти от смерти. Не важно, что вместо тебя умрет кто-то другой. А теперь вот...

Сказал и замолчал на полуслове. Снова нахмурился и, отводя глаза, бросил:

– Ладно, поболтали и хватит. Пойдем со мной. Покажу кое-что, вдруг понравится больше, чем с мечом скакать.

Уже заворачивая за угол, Павел не удержался и оглянулся. Николас и его воины смотрели вслед князю, и взгляды этих людей ему не понравились.

Соболев еле поспевал за князем. Напряженный, как струна, Дорин тяжело печатал шаги. Эхо гулко раздавалось в каменных переходах замка. Они миновали высокие полутемные коридоры и стали подниматься по широкой винтовой лестнице.

Павел во время прогулки видел две башни по углам замка, видимо, сейчас они поднимались в одну из башен.

Он уже запыхался и вспотел, мышцы ног болели, словно туда плеснули кипятка, а лестница все не кончалась. Князь Дорин без устали поднимался и поднимался, и Павел спешил за ним.

Наконец они оказались на крошечной площадке перед потемневшей дверью. Князь остановился и устало выдохнул.

– Фу-у. Каждый день поднимаюсь сюда, а все не могу привыкнуть, – сказал он и вдруг улыбнулся. Павел оторопел, уж слишком резкий контраст был между давешним раздражением, недовольством всем и вся, и этой обычной человеческой улыбкой. Лицо князя смягчилось, а глазах вспыхнуло радостное предвкушение праздника.

– Здесь я провожу много времени.

– На этой лестнице? – не подумав, спросил Павел и испуганно замолчал. Но взрыва ярости не последовало. Дорин открыл дверь и вошел.

– Проходи, посмотри на мое святилище.

Павел переступил порог и пораженно замер. Огромная комната была библиотекой. Ровные ряды с книгами образовывали длинные коридоры, стены скрывались за огромным количеством толстых фолиантов и тонких книжиц, здесь же были горы рулонов, перевязанных разноцветными лентами, и тонкие папки, аккуратно связанные крест-накрест простыми веревками.

Князь снял с пояса флягу, не торопясь откупорил крышку. На полу у стены Соболев заметил миску. К ней-то и подошел Дорин. Он встряхнул флягу и налил в миску молока. И Павел совсем уже не удивился, когда Дорин из кошеля вынул горбушку хлеба и положил рядом с миской.

– Здесь живет кот?

Дорин вернул флягу на место и улыбнулся.

– Нет. Это для иголки. Конечно, следовало бы позвать знающих людей, чтобы изгнали, да все руки не доходят. Жалко его. Тоже по-своему несчастное существо. Это дух ребенка одной служанки. Я помню ее, всегда ходила мрачная, нечесаная, что твоя кикимора. Какой мужик позарился на такое сокровище, не знаю. Она когда ребенка родила, сразу отказалась от него, прокляла. Ребенок и дня не прожил. Умер, горемыка, да иголкой обернулся. Материнское проклятие его тут держит. Вот я и подкармливаю несчастное существо.

– А с матерью что случилось?

– Она через неделю умерла, говорили, от горячки.

Помолчал и добавил:

– В ее комнате теперь никто не живет. Она так и осталась призраком в своей комнате.

Каждую ночь в горячке мечется, кричит и плачет... Я сам видел.

Павел зябко повел плечами и оглянулся. Комната и раньше-то была мрачной, а теперь и вовсе показалась зловещей, словно у стен и за полками во мраке притаились призраки.

– Не переживай, – сказал Дорин и хлопнул парня по плечу. – Ты попадешь прямиком в светлый дом предков.

И безмятежно направился вглубь библиотеки.

Павел пошел вдоль полок вслед за князем, завороженно оглядывая это царство мудрости. Поддавшись порыву, провел пальцем по корешкам книг, с детской радостью чувствуя углубления тисненых надписей, вдыхая знакомый запах библиотеки.

В дальнем углу Павел увидел широкий стол, конечно тоже заваленный стопками книг, из-за них он не сразу заметил сгорбленную фигуру человека. Догорающая свеча плавала в плошке с водой и давала мало света, но старика в темном плаще это волновало мало.

– Здравствуй, Ридик, – громко сказал князь, садясь на лавку рядом со стариком. – Что интересного нашел?

Старик поднял красные глаза и подслеповато прищурился.

– Вот эту книгу вчера привез торговец. Это же настоящее сокровище! Очень редкая книга, мой господин. Здесь говорится о каких-то иных мирах. Броде бы есть зачарованные вещи, которые могут перенести человека в сказочные страны.

Павел замер, боясь пропустить хоть слово. Старик же увлеченно рассказывал, не обращая внимания на нового гостя:

– А еще здесь говорится, что есть места, через которые можноходить в другой мир, как в соседний дом.

– А известно, где такие переходы? – подавшись вперед, жадно спросил Павел.

Старик недовольно покосился на него, пожевал губами и ответил:

— Видите ли, это всего лишь выдумка. Такие, с позволения сказать, путешественники всего лишь хотели прославиться. Я уверен, что не существует никаких сказочных королевств или иных миров.

— Где... эти... переходы?

Каждое слово давалось Соболеву с трудом. Больше всего хотелось вцепиться в старику и трясти до тех пор, пока он не скажет. Вместо этого Павел сжал столешницу так, что заскрипели доски.

— Здесь не написано! — с досадой выкрикнул Ридик. — Молодой человек, не станете же вы верить бредням сумасшедших?

— Иногда сумасшедшие бывают правы, — ответил Павел, отходя от стола.

Старик пробурчал что-то и вернулся к книге.

— Чем же тогда ценна книга, если вы не верите тому, что там написано?

— Здесь даны очень подробные описания мест, где побывал путешественник. Он описывает чудеса, которые якобы видел. Это уникальная в своей абсурдности книга!

— Чудеса, вроде длинного змея, который вздыхает паром и глотает людей? Или движущейся лестницы? — съязвил Соболев, хотя насмехался он скорее над своей беспомощностью. Гадко и мерзко стало на душе, словно туда наплевали.

— Не знаю, молодой человек, может быть, есть и такое описание, — озадаченно ответил Ридик. — Вы знакомы с этим трудом?

— Нет, слышал где-то.

— Конечно, — кивнул старик. — Молодости свойственна вера в чудеса. К сожалению, с возрастом понимаешь, что прожил жизнь, а чудес на твою долю не досталось.

«Оказывается, мне повезло», — подумал Соболев, но вслух сказал другое:

— Простите меня. Может быть, я смогу прочитать эту книгу после того, как вы ее изучите?

— Конечно. Если хотите.

И снова взялся за книгу. Князь с любопытством слушал их разговор, но, следя примеру Ридика, подвинул к себе толстенную книгу, открыл где-то на середине и углубился в чтение.

— Можешь осмотреться, — рассеянно сказал он Павлу. — Если хочешь, конечно.

Но Павел не хотел здесь оставаться. Ему просто необходимо было поговорить с человеком, который мог выслушать его и рассказать сам. Поскольку Соболев застрял в этом мире, необходимо было узнать его лучше. Иначе пристукнут раньше, чем князя.

И Соболев вспомнил о лекаре Берте. Кажется, этот человек был именно тем, кто нужен.

— Простите, господин, — с некоторой заминкой сказал он, последнее слово далось с трудом. — Я хотел бы сходить к лекарю. Пусть он осмотрит меня еще раз.

— Конечно, иди, — кивнул князь, но Павлу показалось, что он даже не услышал его, увлеченный чтением.

Уже у двери Соболев услышал чавканье и озадаченно осмотрелся. Около миски сидело потрясающее уродливое существо, маленькое и пухленькое. Оно было одето в длинную рубаху, подпоясанную веревкой, большая для такого крошечного тельца головка была укутана платочком.

Существо держало горбушку в коротких лапках и увлеченно поедало угощение, совершенно не обращая внимания на Павла.

Соболев содрогнулся от отвращения и поспешил выйти из библиотеки, при этом он обогнулся игошу по большому кругу, невольно приглушая шаги.

* * *

Берта он застал в крайне задумчивом настроении. Лекарь вышагивал по комнате взад и вперед, что-то бормотал под нос и размахивал руками, словно спорил с кем-то.

Увидев Павла, он улыбнулся и кинулся навстречу.

– Вот не ожидал! – радостно возвестил Берт, словно они не виделись годы. – Ты-то мне и нужен. Проходи, садись за стол и скажи, чем пахнет в тех чашках.

Соболев сел за стоящий посередине комнаты стол и придвинул две широкие чашки. В них что-то плескалось, тягучее и темное, а запах распространялся такой, что Павел с трудом заставил себя не зажать нос.

– Это нужно понюхать? – осторожно переспросил он, косясь на чашки.

– Ну да. Скажи, чем они пахнут?

Павел взял первую, покрутил в руке, но так и не решился поднести к носу. Впрочем, этого не требовалось.

– По-моему, воняет навозом.

– А второй?

Снова покрутив в руке, Павел сдался.

– Не знаю, честно. Но явно не фиалками. Ты не мог бы убрать их, а то меня сейчас вывернет от вони.

– Конечно!

Берт подхватил обе чашки и бегом скрылся в соседней комнате, через минуту он появился снова. Запах почти исчез, благо окна открыты, и в комнату врывался прохладный ветерок.

– Что это было? – спросил он Берта, когда тот вернулся.

Берт задумался, колеблясь.

– Э-э... Лучше я не буду говорить.

– Почему?

– Вывернет, – усмехнулся он. – Ладно. Ты со мной будешь обедать? Я с утра ничего не ел, голодный, как твой старый знакомый волк.

Соболев вспомнил, что тоже пропустил обед, и кивнул.

– Давай, только обещай, что больше не предложишь этой гадости.

– Даже не напомню, – серьезно пообещал Берт. – Я сегодня не готовил ничего, сейчас схожу на кухню, попрошу что-нибудь.

Подмигнул и весело сказал:

– У меня такая привилегия, знаешь ли. Бывает и сам стряпаю, но редко. Подожди, я скоро.

Не прошло и пяти минут после ухода лекаря, как в комнату ворвался Логан. Он замер перед Павлом, запыхавшийся и счастливый.

– Видел, как ты дрался, – восхищенно выкрикнул он. – А меня можешь научить? Ну, пожалуйста!

Ошалев от такого напора, Соболев кивнул.

– Конечно, когда захочешь.

Напрасно он так сказал. Парнишка понял его слишком буквально. Радостный вопль ударили по ушам, чуть не сбив Павла с лавки, и Логан метнулся в соседнюю комнату. Что-то загроттало, покатившись по полу, и в комнату вернулся Логан. Он скакал на одной ноге, при этом со второй пытался сбросить веревку. Наконец, он справился и встал перед Павлом, глядя на него сияющими глазами преданного щенка. В руках он держал два деревянных меча, один из которых торопливо протянул гостю.

– Вот. Только надо стол оттащить к стене, а то места мало.

Слова о том, чтобы немного отложить первый урок, застряли в горле, и Павел просто не смог отказать юноше. Смертельно обидел бы. И он с покорным вздохом передвинул стол к стене и взял предложенный меч.

И рукоять, и клинок были сделаны с большим мастерством и любовью. Тщательно зашкурены до блеска. Не один час был посвящен их созданию.

– Ты сам сделал?

Логан кивнул и приготовился учиться.

Павлу льстило такое внимание, он сам в возрасте Логана смотрел на старшего брата, как на бога, обладающего великой тайной искусства фехтования.

– Большинство ударов, – начал Павел, – наносятся в голову, шею и верхнюю часть туловища, словом, туда, где можно нанести смертельное ранение. По рукам бьют реже, в основном для того, чтобы выбить оружие. Удары же по ногам часто используются, чтобы вынудить противника открыть голову. Но могут нанести тяжелую травму.

При этом Павел показывал, как следует двигаться. Его меч взлетал над головой и опускался в рубящем ударе по голове или плечу.

– Подставляй меч и делай шаг в сторону, – говорил он. – Позволь мечу противника соскользнуть, а сам не останавливайся, бей по наклонной в голову или шею!

В следующий момент его меч наносил удар снизу вверх.

– Я могу попасть или в подбородок или в живот. Прикрывайся!

Так они и скакали по комнате. Голос Павла гремел над головой юноши, а он сосредоточенно блокировал удары, бил сам или приседал, пропуская меч над собой, и тут же делал выпад.

Возвращения Берта никто не заметил, и он не стал мешать. Замер у порога и наблюдал с понимающей улыбкой.

– Ну, хватит на сегодня, – решил Павел, заметив лекаря.

– А когда снова? – Логан смотрел на гостя преданными глазами, готовый выполнить любой его приказ.

– Наверное, завтра. Приходи с утра, да пораньше. Площадка для тренировок княжича будет свободна?

Юноша кивнул.

– Вот и хорошо. Там и потренируемся. В комнате тесно.

Совершенно счастливый Логан унес мечи, опять что-то грохнуло.

– Логан, у тебя работы нет? Бегом отсюда! – прикрикнул лекарь, и юноша пулей пронесся мимо них.

Хлопнула дверь, а Берт поглядел вслед парнишке и рассмеялся.

– Кажется, ты нашел преданного друга и ученика.

– Неловко было отказаться, – принял оправдываться Павел, но натолкнулся на озорной взгляд лекаря и тоже усмехнулся. – Верно, мне самому было весело.

Снова вернули стол на середину комнаты и сели обедать.

Когда они утолили первый голод, Соболев сказал:

– Берт, я случайно оказался в ваших местах. Мне сложно понять ваши законы и обычай. Ты не мог бы ответить на некоторые вопросы?

Слизнув куриный жир, лекарь кивнул.

– Не сложно догадаться, что ты издалека. Никто не стал бы защищать демма. Что ты хочешь знать?

– Ну, хотя бы кто такие деммы?

Лекарь отодвинул тарелку, аккуратно вытер руки об штаны и взял чашку с вином. И лишь после хорошего глотка он ответил:

– Пожалуй, я начну издалека. Скажи, ты совсем ничего не знаешь о наших землях?

– Совсем. Так что рассказывай, как младенцу.

И тоже сделал большой глоток. Вино оказалось вкусным, и Павел с удовольствием налил себе еще.

— Ясно, — усмехнулся лекарь. — Тогда слушай. Начать следует с того, что у нас кроме людей обитает множество других существ. Некоторые безобидны.

— Как тот игоша в библиотеке?

— Вроде того. Правда, если ему не давать еду или одежду, он обидится и станет безобразничать. А так он вполне мирный. Есть такие, кто просто шкодит, а есть и откровенно враждебные. Перечислять не стану, сам можешь встретить, если проживешь достаточно долго.

Неприятно защекотало под ложечкой у Соболева, когда вспомнил, что каждый миг под топором ходит. Но Берт не заметил, что гость хмурится, и продолжал:

— Когда какая-нибудь тварь появляется в доме или округе и начинает вредить, а то и вовсе наводить мор, то зовут опытных людей, чтобы те изгнали или убили нечисть. Таких людей называют Серыми Псами.

— Почему такое название?

— Серые — потому что они не служат никому, ни князьям, ни баронам. Это не армия. Они защищают людей от нечисти, оберегают их жизни и души от магии и злобных духов. Служат людям защитой, как собака оберегает дом и жизнь хозяина. Потому — псы. Люди приходят к ним в поселения и просят помощи. Разумеется, они берут за свою работу плату.

— Значит, они живут поселениями?

— Да. Там новичков обучают опытные воины, передавая опыт. Такие поселения укрыты магической защитой, через которую не сможет пройти нечисть, да и людям будет сложно это сделать. Магическая защита — своего рода ловушка, войдя — потеряешься и не сможешь найти выход без помощи со стороны обитателей поселка.

— Зачем же им такая защита? Кого они боятся? Нечисти или людей?

— Ты не смеяся. У них опасная работа. На поселения часто нападают, и не только нечисть. Бывает, что какой-нибудь правитель решит, будто Серые Псы представляют угрозу для его власти. И вреда от них больше, чем пользы.

— Но почему?

Берт помолчал, перекатывая в чашке остатки вина. Выпили еще вина, и только после этого разговор возобновился.

— Во время обучения, образуются группы из трех-четырех человек. Называют их прайдами, как у львов. Они, как правило, формируются раз и навсегда. Если люди женятся, то естественно, строят себе новый дом. Дети чаще всего идут по стопам родителей. Если погибают родители, то детей берут на воспитание другие жители деревни. Это своего рода община, состоящая из многих групп, но держащаяся друг друга. Кое-кто из них владеет магией. Они используют различные амулеты, разыскивают артефакты и зачарованные вещи. Они сильны своей сплоченностью. На защиту одного выйдут все. Словом, дружить с ними лучше, чем воевать. Жаль, что есть правители, у которых страх пересиливает разум.

— Ясно. И при чем тут демма?

— Среди Серых Псов в основном воины. Но бывает, что рождаются дети, у которых есть колдовская сила. Помимо оружия они пользуются магией. Таких людей называют ведунами или ведуньями. Перед тем, как идти на первый заказ, ведун идет в Храм-на-Холме и обращается к богине Деммии с просьбой дать тотемное животное. Я не знаю, что там происходит и как появляется такой симбиоз. Ведуны никогда не рассказывают об этом. Но бывали случай, когда ведун не получал демма.

— А колдуны тоже имеют своего зверя?

— Нет. Опять же, не знаю отчего, но богиня никогда не дарует тотемного зверя колдунам. Он непременно должен быть хорошим воином. И принадлежать к Серым Псам.

— Зверь действительно бессмертный?

— Да, покуда жив его ведун, демма неуязвим.

— Почему тот волк пришел в город?

— После смерти ведуна демма часто умирают вместе с ним, но бывает, что зверь лютует, нападает на людей. Были случаи, когда такой хищник мог растерзать половину деревни, прежде чем его удавалось убить.

— А что станет с тем волком?

— Твоим? — усмехнулся Берт. — Сдохнет скоро.

— Но он может кого-то убить?

Берт пожал плечами, не желая отвечать. Но для Павла это и было ответом.

— Не бери в голову, — сказал лекарь, увидев, что гость нахмурился. — Никто не сообщал о нападении зверя, значит, все обошлось.

Помолчали, думая каждый о своем.

— Скажи, — снова задал вопрос Павел, — а сколько было амулетов до меня?

— Три.

— И как они умерли?

— Зачем тебе? Чтобы сна лишиться?

— Что с ними стало? — гнул свое Соболев. Выпитое вино давало знать, и он с пьяненькой настырностью ждал ответа.

Берт помедлил, колеблясь, но Павел ждал. И Берт сдался:

— Понимаешь, тут что-то странное. Умерших людей... то есть тех, кто был амулетами князя, я не видел. Меня не пустили к ним. Колдун Вернон потом сказал мне, что князя пытались в первый раз отравить. А двое других умерли от удара ножом.

— Но кто это сделал? Виновных нашли?

— Нет. Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал.

Павлу стало совсем тоскливо. Князя могли убить в любой момент, но умрет его амулет.

— Ты вот что, парень, — лекарь покосился на дверь и склонился над столом, поманил Соболева. — Ты не такой, как первые трое.

— Чем же это?

— Те метались по замку, много кричали, жаловались. Князь приказывал их запирать, чтоб людей не баламутили. А ты нет. Присматриваешься, расспрашиваешь, словно не боишься ничего. Кстати, мне рассказали, что ты с нашим младшеньким поссорился.

— С кем?

— С княжичем Николасом. Ты держал меч и не порезался, — расхохотался лекарь.

— И что тут странного?

— Другие амулеты даже приблизиться не решались к стойке с оружием. А ты не побоялся оружие поднять против нашего лучшего мечника. И Логана не обижашь. Он нешуточно привязался к тебе. Спасибо, конечно, что с мальчишкой занимаешься, но... он горевать будет за тобой.

— Он действительно сын Дорина?

— К сожалению, — кивнул лекарь. — Но молчи об этом. Князь крут на расправу. Жаль мне вас обоих, но помочь ничем не могу.

Павел благодарно кивнул и отодвинул кружку.

— Я, пожалуй, пойду. Что-то мы болтались, темнеет уже.

На подкашающихся ногах Соболев пошел к своей комнате. Ночной воздух немного отрезвил его, но мрачные мысли из головы не выветривались.

Никого не было в темных коридорах, изредка горели на стенах факелы, но этого вполне хватило, чтобы не оступиться и не потеряться.

Около дверей комнаты князя стоял стражник. Он проводил Павла мрачным взглядом и отвернулся, тут же забыв о нем.

Скрипнула дверь, когда Павел вошел в свою комнату, и он поморщился. Терпеть не мог скрипучих дверей. Завтра с утра нужно попросить у кухарки масла и смазать.

Он снял жилет и, не глядя, бросил на пол, туда же полетела рубашка. Он уже взялся за пояс штанов, когда посмотрел на кровать. И замер, раскрыв рот.

На постели лежала девушка и с любопытством разглядывала его.

– Где ты ходишь? – она капризно надула губки. – Лежу тут, а тебя все нет.

– Ты кто? – растерянно спросил Павел, не придумав ничего лучше.

Вместо ответа девушка выгнулась, как кошка. Тонкая рубашка натянулась, и Соболев поймал себя на том, что с большим интересом рассматривает плавные изгибы ее тела.

Она поманила пальчиком, и Павел позволил штанам упасть, а сам с удовольствием обнял неожиданную гостью.

* * *

Уже под утро, уставшие и довольные, они решили выделить немного времени для сна. Тихо вздохнув, нежданная гостья уснула. А Павел смотрел в потолок и глупо улыбался.

Исчезли заботы прошедших дней, страх и нервозность. Этим утром Павел был просто счастлив, без всяких оговорок.

Рядом с ним спала прекрасная женщина, теплая и податливая. А имя, кстати, он так и не спросил, – вспомнил Соболев и усмехнулся.

Он все-таки задремал. Спалось хорошо, без снов.

Но когда проснулся, женщины рядом не было, а в дверь стучали.

Это оказался Логан. Он нетерпеливо подпрыгивал, скимая деревянные мечи.

– Утро! – радостно сообщил он.

Павел кивнул и, одевшись, отправился на тренировочное поле вслед за юношой.

Там они и провели все утро.

Когда Логан убежал, Павел постоял, раздумывая. И наконец, решил, что надо бы поговорить со стариком из библиотеки. Что такого может быть в книге путешественника? Вдруг он вычитал что-то важное для Павла. Дорин ведь разрешил заходить туда, вот и нужно воспользоваться приглашением.

Библиотека встретила его тишиной мудрости и тихим поскуливанием игоши. Уродец сидел около пустой миски и хныкал.

Павел обошел малыша и направился прямо к столу в конце библиотеки.

– Здравствуйте, Ридик.

Старик прищурился, разглядывая гостя.

– А, это вы, молодой человек. Пришли за книгой?

– Да. Я хотел спросить. Не было ли чего интересного в той новой книге? Путешественник описывал места перехода в другой мир?

Старик кашлянул, спрятав улыбку.

– Садитесь, молодой человек. Простите, как вас зовут?

– Павел.

– Так вот, Павел. Вы все еще верите в другие миры?

Соболев изобразил смущенную улыбку и кивнул.

– Мне просто интересно. Не может же путешественник так бессовестно врать. Может быть, он действительно что-то видел или где-то бывал?

– Сомневаюсь. Его рассказ звучит слишком неправдоподобно. Но в конце путешественник сообщает, что это было его последнее странствие. И он поселился в Волчьей Впадине.

– Это далеко отсюда?

— Молодой человек, — покачал головой Ридик и указал на рану на руке, куда колдун налил какой-то жидкости. — Если не ошибаюсь, вы не сможете отправиться к автору этой книги. У вас нынче другие заботы.

— Все верно.

Павел подался вперед, заглядывая в глаза старику.

— Но давайте представим, что я свободен. Как мне дойти до Волчьей Впадины?

— Ладно. Подождите минуту.

Ридик отправился к дальнему стеллажу, покопался там и с радостным возгласом вынул толстый рулон.

— Вот она!

Старик аккуратно подвинул книги со стола и стал разворачивать рулон, закрепив по краям книгами.

— Это карта. Смотрите, мы здесь.

Ридик указал на значок замка.

— Вот здесь, с севера и запада замок окружают горы. С юга — лес. А вот здесь, на востоке — поля и деревни. А вот дорога, она идет мимо полей, а потом поворачивает к лесу.

Ридик водил пальцем, показывая, как следует ехать.

— Когда минуете лес... если верхом, то за два дня... попадете в ту самую Волчью Впадину. Это небольшой городок, расположенный в русле реки. Раньше она была широкой и судоходной. Городок процветал за счет торговли. Теперь река обмелела, но торговля идет по-прежнему. Жителям городка повезло, что мимо них проходят караванные пути. Там необыкновенные библиотеки и прекрасные скульптуры. Вам бы понравился этот шумный город.

Губы Павла изогнулись в усмешке.

«Вот не думал, что попаду на лекцию. Наверное, давненько старики ни с кем не общался, кроме князя», — пронеслось в голове. Но слушал он внимательно, всякая информация нынче полезна.

— Как видите, это совсем рядом. Только вас, молодой человек, не выпустят за ворота замка, даже не пытайтесь. И не думайте сбегать, — старики погрозил пальцем, как ребенку, — ничего хорошего не отыщете. Князь на расправу скор, не посмотрит, что вы — амулет.

Павел кивнул, не глядя на Ридика. Признаться, мелькнула у него мысль сбежать. Это ведь рядом! А вдруг есть надежда? Но он понимал, что Дорин даже слушать не захочет. Более того, узнав, что его амулет может получить свободу, запрет покрепче, да еще сторожа выставит.

Павел помог свернуть карту и направился к выходу, когда спросил:

— Кстати, а как зовут этого путешественника?

Морщинистое лицо Ридика расплылось в улыбке, и он ответил:

— Смешное у него имя. Ставр Великий.

— Так уж и великий?

— Ну, этот человек много ездил, бывал в самых гибких местах, залезал на самые высокие горы. Может, он не великий, но умудренный опытом точно.

Павел задумчиво кивнул. В голове крутились навязчивые мысли о том, что спасение может быть рядом, а он даже покинуть замок не может.

— И еще, молодой человек! — крикнул вслед Ридик. — Если снова решите зайти, захватите молоко и хлеб для нашего игоши, а то он станет пакостить вам.

— Непременно, — пообещал Павел и вышел из библиотеки.

А вечером снова пришла та самая женщина. Она распустила русые волосы и улыбнулась полными сочными губами.

— Тебя как звать-то? — спросил Соболев.

— Зачем тебе мое имя? Жениться хочешь?

И в ответ на растерянность Павла громко рассмеялась.

* * *

В коридоре рухнуло что-то с громким металлическим звоном, прокатилось и стихло. В ночной тишине грохот показался особенно оглушительным, и Павел выскочил из постели, стал спешно натягивать одежду. Штаны почему-то путались и второпях никак не надевались. Разозлившись, Соболев на миг замер, успокаивая дыхание, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, и только после этого дело пошло быстрее. Одевшись, он оглянулся на гостью. Она спала, укрывшись одеялом до подбородка, и отчего-то хмурилась во сне.

Павел тихо подошел к двери и выглянул.

На полу лежал стражник, около ниши все еще покачивался шлем, царапая налобником пол. А около ладони стражника валялась алебарда. Павлу показалось, что еще миг, и он сожмет ладонь на крепкой рукояти и встанет, пылая гневом. Но в коридоре было тихо. Единственный звук – это едва слышный звук шагов князя Дорина.

Так-так. А он-то куда собрался? Посреди ночи – это не самое удачное время для прогулок.

Но Дорин, видимо, думал иначе. Он куда-то спешил, освещая путь факелом, который подрагивал при ходьбе, и свет метался по стенам, выхватывая запертые двери и статуи в нишах.

Соболев огляделся. Кроме их двоих и стражника, тихо лежащего на полу, никого не было. Вздохнул и поспешил за князем.

Куда бы тот ни направился, Соболеву следовало разузнать побольше. Секреты Дорина не прибавят здоровья его амулету.

Рассудив так, Павел пошел за князем, оглядываясь по сторонам. Нужно было хорошо запомнить дорогу, всякое может приключиться, а, зная обратный путь, есть шанс выжить.

Князь между тем миновал темные пустые коридоры, ничего не опасаясь, и остановился перед массивной дверью, запертой на тяжелый висячий замок. Павел услышал скрежет ключа, щелкнул замок.

Дверь легко и бесшумно приоткрылась ровно настолько, чтобы мог пройти человек, и Дорин вошел. За ним поспешил и Павел. Когда он осторожно заглянул за дверь, то понял, что щель между дверью и косяком не такая уж большая, и придется протискиваться в нее. Но и там ничего хорошего не ожидало.

За дверью начиналась винтовая лестница, уходящая вниз. И Дорин спускался по каменным ступеням. Слышны были его шаги, торопливые и гулкие. Если Павел собирался идти дальше, то нужно было поторопиться. Факела-то он не догадался захватить, и теперь рисковал остаться в кромешной тьме.

Сплюнув через левое плечо, Павел пробурчал:

– Бог не выдаст, князь подавится, – и стал спускаться вслед за Дорином.

За лестницей оказался короткий коридор. Павел замер на ступенях и наблюдал, как Дорин остановился перед еще одной дверью, отпер ее и вошел. На этот раз Павел услышал скрежет ключа с обратной стороны. Вот так, дальше не пройти.

Впрочем, этого и не потребовалось. В нескольких шагах от двери оказалось крошечное оконце, за которым появился свет и донеслись голоса.

Соболев прокрался по коридору, касаясь рукой стены. Холодная, шершавая и немного влажная, она словно плавилась от прикосновения. Капли стекали по пальцам и мягко щекотали ладонь.

И когда он миновал коридор, ладони были мокрыми и немного липкими. Поморшившись, Соболев вытер пальцы об штанины и присел. Окно располагалось почти у пола, и когда Павел заглянул, понял, что сама комната за стеной находится еще ниже. Так, что Дорину пришлось спуститься на три высокие ступени, чтобы встать на пол.

Комната была роскошной. Павел и сам бы не отказался пожить в такой. Стены закрывали огромные gobelены, изображавшие сцены охоты. Словно живые, звери испуганно косились на охотников. Заяц несся, прижав уши, надеясь укрыться в высокой траве. Вон уже и поле видно, последний рывок остался. Но охотница на белом коне вскинула арбалет и вот-вот нажмет на спуск. Тогда не уйти серому. Уж больно самодовольная ухмылка на ее лице...

Павел встряхнулся. Что за наваждение? Он словно увидел охоту, и всадницу и дичь.

Прогнав видения, он снова стал оглядывать комнату.

От ступеней до стены пол укрывали роскошные шкуры, почти касаясь низкого широкого топчана. Там-то и лежала хозяйка комнаты. Или скорее ее пленница, так как ногу женщины украшал широкий браслет из серебристого металла, от него тянулась толстая цепь, а другой ее конец был вмурован в стену.

Женщина лениво покачивала ножкой и прислушивалась к тихому позвякиванию цепи.

На гостя она не обратила внимания, словно была полностью поглощена этим увлекательным занятием. Звяканье цепи то прекращалось на миг, то снова раздавалось. И Павлу показалось, что в воздухе звенит легкая завораживающая мелодия.

– Силли, прекрати, – раздраженно сказал князь.

Женщина рассмеялась и подняла голову. Павел посмотрел на ее лицо и восхищенно выдохнул. Она была красива, как богиня. Мраморная кожа, совершенные черты лица, она напоминала статуи греческих богинь. Такая же красивая и такая же холодная.

– Значит, у тебя появился новый амулет? – спросил женщина.

Дорин закрепил факел на стене и замер у двери, нервно сжимая и разжимая кулаки.

– Да. Колдун привел еще одного. Он говорит, что это последний. Следующего можно найти только через год. А это так долго!

Дорин шагнул было к женщине, но снова нерешительно замер.

– Я понимаю, – кивнула она. – Постараюсь не убивать его сразу. Иди ко мне.

Обрадованный приглашением, князь кинулся к ней, на ходу вынимая кинжал.

– Я так соскучился по тебе, Силли.

– С чего бы? – наигранно удивилась она. – Ведь ты теперь женат. Зачем тебе я?

– Силли, – покачал головой Дорин. – Ты ведь знаешь, что я люблю только тебя. Я каждую ночь засыпаю с твоим именем, глаза закрываю, но вижу тебя.

Женщина вдруг всхлипнула.

– Отпусти меня, Дорин, – голос Силли подрагивал и звенел, вот-вот хлынут слезы. Против такой мольбы трудно устоять, даже Павел едва не кинулся ей на помощь, но сдержался. Сначала нужно выяснить, отчего князь держит горячо любимую женщину в темноте глубоко под землей. А уж потом обряжаться в сверкающие доспехи и спешить на помощь прекрасной принцессе.

Но и Дорину было несладко. Он упал на колени и пополз к женщине, как преданный пес.

– Не могу, Силли, ты же знаешь. Не могу, и не проси. Разве я плохо забочусь о тебе? Ты сыта и укрыта от всех. Что тебе еще нужно? Только скажи!

Глаза женщины вспыхнули, как два угля. Она оскалилась, и Павел с содроганием увидел два острых клыка, сверкнувших, как клинки.

– Дай отведать его крови! – потребовала она вдруг охрипшим от нетерпения голосом.

– Конечно... конечно...

Князь вскинул руку, и Павел увидел в ней кинжал. Удар! И острая боль в руке скрутила Соболева. Он упал на колени, зажимая рану. Но боль только усиливалась.

Вампирша впилась в руку Дорину и жадно сосала кровь. Он же гладил по голове женщину и нежно улыбался.

На миг Павлу показалось, что вместо волос на голове женщины шевелятся змеи. Но наваждение пропало. Остался ужас, когда он понял, что вампирша сосет кровь из него. Он увидел, как из глубокого пореза вытекает кровь, но исчезает, едва сорвавшись с руки.

К горлу подкатила дурнота, закружилась голова от внезапной слабости. Завертелись стены, отчего-то решившие поиграть в догонялки. Соболев упал на колени, закачался и не слишком удивился, когда пол вдруг ушел из-под ног и, словно дубина великана, врезался прямо ему в голову.

Но сознание не погасло. Павел лежал на полу, чувствуя, как стынет спина, и холод пробирает до костей. А из окна доносились голоса.

– Этот амулет самый вкусный, – сказала Силли. – Спасибо за угощение.

Звонкий голос женщины отражался от стен и звенел колокольчиком. Вампирша была сыта и в прекрасном настроении.

– Ты не убила мой новый амулет? – забеспокоился Дорин, но его прервал смех Силли.

– Нет. Он жив, хотя и сбит с толку. Даже напуган. Кстати, если не хочешь, чтобы он умер, то поспеши.

– Ничего страшного, – равнодушно ответил князь, тут же забыв о человеке, который умирал вместо него. – Как только вернусь, тут же направлю к нему лекаря.

– Нет-нет. Ты стал беспечным, Дорин. Даже не оглядываешься через плечо. Когда-нибудь это погубит тебя.

– Может быть. Когда-нибудь.

– И все же поторопись. Твой амулет лежит под моим окном, и вот-вот истечет кровью.

– Что?!

– Я сразу почуяла его. Он так забавно прятался.

Павел услышал торопливые шаги, хлопнула дверь, и сквозь пелену увидел князя. Чего больше хотел Дорин: то ли добить мерзавца, осмелившегося следить за ним, то ли заботливо перевязать рану, – Павел не понял. Видимо, всего понемногу. Но, поколебавшись, князь решил, что все-таки живой амулет ему нужнее. А за вольности можно взыскать и потом.

Он оторвал кусок материи от своей рубахи и перевязал рану на руке Павла, и только после этого взвалил его на плечо и с кряхтением понес к выходу.

Но Соболев провалился в спасительное беспамятство и этого уже не видел.

* * *

Павел очнулся в своей комнате. Около кровати стоял маленький стол, полностью уставленный разной снедью. И пахло просто великолепно.

Павел осторожно сел, подождал, когда пройдет головокружение, и опустил ноги на пол. В комнате никого не было, стояла тишина, и он, радостно потерев руки, придинул столик к себе. Заскрежетало, хоть уши зажимай. Но Соболев лишь поморщился.

Еда исчезала с тарелок быстро, словно ее ветром сдувало. Сначала Павел даже не чувствовал вкуса, глотая большими кусками, как голодная утка. Рвал руками жареную птицу, жадно запивал водой, заталкивал в рот огромные куски пирогов.

И лишь когда почувствовал, что сыт, он снова упал на кровать и тут же заснул.

В другой раз его разбудили. Тычок в бок и грубый окрик заставили его вскочить и испуганно озираться.

Перед ним стоял князь, на лице застыло вечное раздражение, отчего он смахивал на жабу.

В комнате Павла кроме кровати стоял табурет у стены, на нем любил сидеть лекарь, когда подолгу оставался у больного. Теперь на него сел Дорин. Табурет жалобно скрипнул, но разваливаться не собирался.

— Значит, ты узнал мою маленькую тайну, — хмуро сказал Дорин. — И что мне с тобой делать?

Но Павел уже справился с паникой и не слишком опасался княжеского гнева. Он ответил спокойно, неторопливо:

— Я сначала думал, что у тебя действительно опасные враги, на каждом углу норовят ножом и стрелой угостить. А все оказалось проще. Князь влюбился?

Дорин запыхтел, как паровоз. Вот-вот из ноздрей пар повалит. Вон даже меч сжал так, что пальцы побелели. Но Павел не боялся его. Раньше он не понимал, насколько реальна для него опасность. Ну да, могут напасть на князя, могут ранить, а могут убить. Когда-нибудь. Но призрачная угроза смерти где-то в будущем не слишком пугает. Все мы смертны и когда-нибудь умрем.

Но теперь, когда Павел увидел свою судьбу, понял, что убьет его скорее всего не стрела наемника или нож из-за угла, а клыкастая любовь князя, высосет всю кровь до капли, однажды увлеквшись, — и вдруг стало страшно.

И одиноко.

Он ничего не знал об этом мире. Его бросили, как бросают щенка в воду. Но Павел не мог выплыть, потому что не знал, кого просить о помощи, если уж сам не может справиться с колдовством.

— Значит, — продолжал Соболев, — другие амулеты умерли от потери крови? Их съела твоя вампирша?

Павел ждал гнева, воплей, или, на худой конец, угроз, но князь неожиданно расслабился и улыбнулся.

— Да, — ответил он, мечтательно улыбаясь. — Силли живет у меня почти десять лет. Я нашел ее, когда был совсем юным. Ее поймали крестьяне. Жалко им стало несколько людышек!

Павел содрогнулся, глядя на лицо князя. Вроде и человек, а что-то проскользнуло в чертах эдакое жуткое. Будто из-под маски человека настоящая личина показалась. Но Дорин увлекся, он говорил и говорил, боясь, что его прервут, и он не сможет закончить рассказ.

— Они привязали бедняжку к столбу и хотели сжечь. Но я вмешался. Я влюбился с первого взгляда в эти огромные глаза цвета ночи, совершенные черты, алые губы. Мои воины отвязали ее, и я привез Силли в замок. Глупые крестьяне зароптали, но я не стал их слушать. Удивляюсь, как не сжег всех до последнего! Но тогда я был юн и наивен.

Князь смущенно улыбнулся, словно извинялся за ошибки юности.

— Вот, наверное, обрадовался твой отец, когда увидел вампира в своем доме, — попытался съязвить Соболев, но князь был далеко в воспоминаниях. Легко откровенничать с человеком, который вот-вот умрет. А ведь так хочется выговориться, вспомнить и рассказать кому-нибудь то, что так долго скрывал.

— Наш отец умер рано. Поэтому я уже был князем. По моему приказу сделали комнату в подземелье, устроили так, чтобы Силли было удобно. Но возникла проблема с питанием. Около года я доставлял ей животных, и она пила их кровь.

Павел уже догадался, что ей по вкусу было другое угощение.

— Моя Силли стала слабеть. И тогда я начал отлавливать в лесах бродяжек. Но вскоре пошла дурная слава, стали шептаться, что в лесу без следа пропадают люди. Думали, что там поселилось чудовище.

Он рассмеялся, но Павел понял, что люди говорили правду. Там действительно появилось чудовище.

— Я хорошо помню первую вылазку. Я взял троих людей, самых проверенных и преданных, и мы отправились в лес. Затаились около проездной дороги и стали ждать. Примерно через час показалась первая повозка.

И Павел словно наяву увидел то, что происходило тем днем...

… – Смотрите, господин, их там трое. С ними дети.

Повозка ехала неторопливо, поскрипывая задним колесом. Уставший мужик понукал чахлую лошаденку, охаживал ее по впалым бокам. Но старая кляча не прибавляла шаг, покорно тащила груженную сеном повозку.

Мужик успел задремать, когда лошаденка испуганно всхрапнула и замерла перед четырьмя вооруженными людьми. Возница вскинулся, поглядывая такими же испуганными глазами, как и его кляча.

– Что угодно господам?

За его спиной сидела молодая женщина и укачивала ребенка. Малыш хныкал и сосал кулечок, худой, как веточка. Рядом сидела девочка, закутанная в одеяло, на голове был огромный платок. Лишь на худеньком лице блестели огромные зеленые глаза.

– Кто такие? – спросил Дорин, нахмурившись.

– Мы погорельцы, господин. Все село сгорело. Нынче лето засушливое, на небе ни тучки. Вот и случилась беда. Соседский мальчишка играл с огнем и кресалом, украл паршивец у деда и спрятался в стогу сена. От того стога их дом принялся, а дальше и вспомнить страшно. Пожар на соседние дома перекинулся. Мы жили на окраине, успели хоть какой-то скарб спасти, а некоторые люди сами в огне сгинули и добро свое не спасли.

Князь получал доклад об этом пожаре, в нем говорилось, что выжили всего семь человек из всего села. Пожар случился поздно вечером, когда люди спать укладывались. Огонь спалил спящих, успели, как и сказал возница, только те, кто жил дальше от очага возгорания.

– Куда же вы едете?

– У меня брат на мельнице работает. Здесь, недалеко. Давно приглашал, ему одному тяжело справляться. А я все не решался. Вот теперь за меня боги решили.

Дорин вздохнул, злясь на себя за жалость. И откуда только выползло это гадкое чувство?

– Ты вот что, возьми деньги, – князь запустил руку в кошелев и вытащил полную пригоршню монет. – Тебе пригодится. Да купи молока ребенку. Видишь, голодный он… И себе поесть купите.

Ошалевший от такого нежданного подарка мужик стащил с головы шапку, и князь высыпал в нее деньги.

– Езжайте, – приказал Дорин.

Долго еще слышались голоса возницы и его жены, даже малыш подал голос, потребовав еды.

– Следующего вяжем, кто бы ни был, – хмуро сказал князь, стыдясь внезапной жалости к погорельцам.

Следующим оказался всадник на рыжей низкорослой кобыле. Всадник и сам смахивал на свою кобылу, широкий в плечах, кряжистый, как старый дуб, с копной нечесаных огненно-рыжих волос.

Он покачивался в седле и что-то напевал под нос. Когда вышли князь и трое воинов, он придержал кобылу и озадаченно поглядел на них.

– Кто такой? – потребовал ответа Дорин. – Куда едешь?

– Домой, – ответил мужик, испуганно икнув.

– Слезай, – велел один из воинов. – Не видишь, кто перед тобой? Князя не узнал?

– Как же, узнал, – стал оправдываться тот. – Что не так-то?

– Слезай, узнаешь.

От такого обещания мужику поплохело. Но перечить не осмелился.

Едва он слез, один из воинов вынул нож и ударил рукоятью по затылку. Мужик без звука упал.

– Забирайте его, поехали скорее.

Когда мужика бросили под ноги Силли, тот очнулся. Но Дорин уже запер дверь и поспешил к выходу. Вдогонку ему несся отчаянный вопль человека, но князь зажимал уши и бежал прочь.

Появилась нелепая мысль разыскать семью этого несчастного и как-то помочь, но Дорин поспешил отмахнуться от этой глупости. Он обожал свою Силли, и для ее счастья готов был сделать все, что угодно!

И тогда в душе Дорина что-то сломалось, но он не заметил этого. Просто перестали сниться лица тех, кого он заталкивал в комнату вампирши. И Дорин принял это за хороший знак...

Павел потряс головой, прогоняя наваждение. Князь же не замечал ничего, поглощенный воспоминаниями.

– Стало опасно красть людей в лесу. Из окрестных деревень снаряжались отряды, чтобы отыскать чудовище. И я вынужден был искать другой способ. Тогда моя Силли подсказала выход. Она напомнила о людях из деревни, которые хотели замучить бедное создание. Я не сразу согласился с ней. Меня еще мучили угрызения совести. Но Силли была так терпелива и так нежна, что я решился. Все оказалось очень просто. Главное не воспринимать их как людей. Ну, едим же мы скот. Со временем стало легче, я больше не слушал совесть. Милосердие, доброта, – это стало для меня пустым звуком.

– А что стало с теми людьми из деревни?

– Однажды ночью я с самыми надежными людьми приехал в деревню. Мы вытащили всех, кто там был, даже младенцев с матерями. Загнали их в подземелье рядом с комнатой Силли. И она много лет пировала ими.

По спине Павла пробежали мурашки. Теперь он был уверен, перед ним сидел монстр страшнее вампирши. Она – зло, которое не скрывает своей натуры, она никогда не изменится и не станет жалеть «обед». Не бывает милосердного зла. Но то, что сотворил с собой Дорин, было ужаснее.

– Почему же на ней цепь?

– О! Это случилось незадолго до появления первого амулета! – охотно пояснил князь. – Она съела последнего человека из деревни и была голодна. Дверь не смогла остановить ее. И Силли слегка попировала в замке. Мне с большим трудом удалось вернуть ее обратно в комнату. Тогда Силли порвала мне руку. Я приказал выковать цепь и покрыть ее серебром.

– И как же появилась идея живых амулетов? Тоже Силли подсказала?

– Нет. Это заслуга Николаса.

– Твой брат тоже знает??

– Конечно! И всячески поддерживает меня.

У Павла закружилась голова. Он на минуту прикрыл глаза, но князь рассказывал дальше, не обращая внимания на такую мелочь, как внимание собеседника.

– Это Николас привез колдуна. И тот находил людей, подходящих для ритуала, и накладывал заклятие. И теперь я могу быть с моей Силли! Она пьет мою кровь, но умирает другой.

Павел слушал рассказ и чувствовал, как в груди разгорается ненависть, нешуточная, яростная.

– А дальше что будет? – спросил он.

– Силли обещала, что не станет убивать тебя быстро, растянет удовольствие. Но мне придется приводить людей, чтобы утолить ее голод.

«И ведь убить его не могу, – вдруг подумал Соболев. – Умру-то все равно я. А он продолжит пакостить».

– Вот и получается, – со вздохом сказал князь и встал. – Придется запирать тебя здесь, чтобы не разболтал о Силли. Напрасно ты, парень, узнал обо всем. Гулял бы себе, бегал по девкам, жрал в три пузза. А теперь будешь сидеть здесь до конца. Но сам виноват.

За князем закрылась дверь, и громко щелкнул замок, а Павла сдавила тишина.

Глава 3

Только-только показалось солнце из-за горизонта, разгоняя мрак ночи, как Берта разбудил грохот. Кто-то так отчаянно барабанил в дверь, что та чудом оставалась на месте.

– Кто там? – испуганно вскинулась молодая женщина, растрепанные со сна волосы она торопливо заплела в косу.

– Сейчас узнаем. Не волнуйся, Милания, – пообещал Берт и слез с печи.

Перехватив удобнее дубину, лекарь пересек комнату. Засов нехотя поддался, и дверь распахнулась. Там стоял Логан, бледный и перепуганный насмерть.

– Что случилось?

Берт втащил мальчика, заботливо усадил на лавку и едва не силой напоил водой. Только после этого Логан немного пришел в себя.

– Что случилось, малыш?

– Понимаешь, я сегодня раньше обычного пошел к комнате Волчонка… Ну, хотел, чтобы мы раньше начали, князь велел доспехи начистить, а я вчера не успел. Думал…

– Ясно. И что же?

– Я пришел, постучал, никто не ответил. Ну, я заглянул.

– Логан!

– Знаю! Но дверь была не заперта. Там никого не было. Я уже собрался уходить, когда увидел князя. И спрятался.

– И что? – поторопил Берт.

– Он нес Волчонка. Положил на кровать и ушел, а я пробрался в его комнату. Он был бледный, словно мертвец. Я жутко испугался. Приложил пальцы к шее, как ты учил, и послушал биение жизни. Оно было очень слабым, но Волчонок все-таки был жив… Можно еще воды?

Берт кивнул и сходил к печи. Там на лавке стояло ведро. Загрохотала крышка, выскользнув из подрагивающих рук лекаря.

– Вот вода. Пей и рассказывай дальше.

Парнишка отпил, громко хлюпая, и ответил:

– Нечего больше рассказывать. Я посидел с ним немного, а как рассвело – к тебе побежал. Не к добру это. Помнишь, что стало с другими амулетами? Они тоже в первый раз такими были, словно вот-вот к предкам отправятся. А потом их запирали.

Берт прекрасно помнил об этом. Сколько протянули эти несчастные после внезапной болезни? Самый удачливый – третий – восемь дней. А остальные и того меньше.

– Логан, – начал лекарь, – ты же знал, что Волчонок – амулет.

– Не надо! Не говори со мной, как с ребенком! Он не умер еще.

– Логан!

Но юноша не стал слушать, только дверь стукнула так, что чуть не слетела с петель.

В углу за занавеской завозились.

– Что-то случилось, Берт? – раздался мужской голос. Занавеска отодвинулась, и вышел светловолосый парень. Если бы Павел был здесь, он непременно узнал бы своего друга Никиту. Именно с ним спорил в электричке колдун Верон.

– Да. У нашего князя новый амулет. Помнишь, я рассказывал тебе о тех несчастных?

Никита кивнул. Он сел рядом с Бертом на лавку, придерживая левую руку. Лекарь поднял рукав, осторожно развязал тряпицы и осмотрел рану.

– Скоро будешь как новенький, – сказал он. – Так вот. Недавно появился у нас странный парень. Колдун наложил на него заклятие, превратив в амулет Дорина. И судя по всему, очень скоро этот парень умрет.

— А почему ты назвал его странным?

— Видишь ли, — лекарь сходил за котомкой и принялся неторопливо выкладывать коробочки. Выбрав одну, он вернул остальные в котомку, а из оставшейся зачерпнул густую светлую мазь и принялся наносить ее вокруг раны. При этом он рассказывал: — Одет был необычно. Но самое интересное случилось, когда в замок попытался прорваться демма-волк. Его, ясное дело, стали загонять в ров, а парень возьми да встань между ним и стражниками. Волк сбежал, а стражники малость помяли заступника. И других странностей хватает, по мелочи, всего и не вспомню. Ты чего?

Никита сидел с окаменевшим лицом, глядя на печь остановившимся взглядом. Берт обернулся, но ничего странного не увидел. Милания хлопотала у печи, не обращая внимания на мужчин. И лекарь снова посмотрел на гостя.

— Значит, демма не пытался напасть на него?

— Меня там не было. Говорят, что волк напал, но рвать не стал.

— Пойдем в замок, — сказал Никита. — Я хочу посмотреть на него.

— Ты думаешь, это может быть тот человек, которого ты разыскиваешь? Нет, вряд ли.

— Я просто проверю. Ты же все равно должен осмотреть его.

— Как хочешь, — не стал спорить Берт. Он давно знал Никиту, и знал, что спорить с ним бесполезно. — Сейчас позавтракаем и отправимся.

Но к Павлу их не пустили. Напрасно лекарь просил князя. С раннего утра, как грозовая туча, Дорин не желал ничего слушать.

— Сам поправится, — рявкнул он на осторожные возражения лекаря. — Ничего страшного. Простая царапина, немного крови потерял. Вот и все. Тебе заняться нечем?

И к комнате не подступиться. Теперь охраняли не только комнату князя, но и Павла. Лекарь потоптался перед хмурыми сторожами и отправился восьмояси. А в голове вертелся навязчивый вопрос: Волчонка охраняли или держали под охраной, учитывая толстый засов снаружи на его двери?

* * *

Павел ждал ночи со страхом. Поглядывал в оконце, поглаживал ноющую под повязкой рану на руке и оглядывался на дверь.

Вечером с последними лучами солнца угасла и его надежда на чудо. В комнате темнело, но никто не приходил со свечой. Да и обед с ужином давно прошли, а Павел остался голодным.

Он лежал на постели и дремал, интереснее занятия не нашлось, и оставалось воспользоваться минутой затишья.

Вдруг сквозь сон Павел услышал, как с двери сняли засов, и кто-то вошел со свечой. Поморгав, он встал и оторопел.

— Никита?!

Его друг ухмыльнулся, как довольный кот. Он шагнул к Павлу и обнял.

— Наконец-то я отыскал тебя! Перевернул весь край, а ты, оказывается, рядом был. Если б не ранение, снова отправился бы в путь.

— Ты-то как здесь оказался? Да вы садитесь, — засуетился Павел, он только сейчас заметил, что вместе с Никитой пришли лекарь и невысокая тоненькая девушка. Он так очумел от счастья, что не знал, какое место предложить, и метался по комнате, пока его самого не усадили.

Хозяйственный Берт пододвинул маленький стол, развернул объемный узелок и принялся расставлять нехитрую еду. В животе у Павла заурчало при виде такого изобилия, но сначала хотелось расспросить Никиту. Соболев боялся, что это сон или наваждение.

Но гости не исчезали. Они охотно принялись за еду, и Павел вскоре присоединился к ним.

– Никита, как ты здесь оказался? – донимал Павел вопросами. – И познакомь меня с девушкой. Как-то невежливо.

– Прости. Это моя сестра Ярослава. Берт сказал, что ты уже знаешь о Серых Псах?

Соболев кивнул.

– Мы с Ярой из одного прайда. Пять лет назад убили нашего друга, и меня забросило в ваш мир. А когда ты исчез вместе с колдуном, меня, наверное, затянуло с вами. И я снова оказался дома.

Вопросов роилось множество, и Павел не знал с какого начать, но Никита прервал его:

– Погоди, свою историю я расскажу в другой раз. С тобой-то что случилось?

Павел отложил недоеденный бутерброд и молча размотал повязку. Берт внимательно осмотрел рану.

– Нож? – это скорее было утверждение, чем вопрос. И Павел кивнул.

– Нож. А затем зубы вампирши.

Он рассказал все, начиная с момента, как оказался в новом мире. Получилась не слишком длинная история, но конец ее заинтересовал друзей.

– Значит, – задумчиво сказал Никита, – тобой питается вампир. Для этого потребовались князю амулеты, чтобы быть ближе к любимой женщине. Вроде в его руку впивается Силли, а расплачивается другой.

– Погоди! А как вы прошли мимо стражников? – вздрогнул Соболев.

– Их не было.

Берт выглянул за дверь и вернулся крайне озадаченный.

– Ясно, – кивнул Павел. – Князь приказал им уйти. Значит, хочет спокойно сходить к своей клыкастой.

Сказал и вдруг закричал, сжимая руку. Казалось, рука попала в огонь, до того нестерпимой была боль. Он чувствовал, как вгрызаются острые зубы, жестоко рвут плоть, словно голодный пес.

Павел стал лихорадочно стягивать повязку с первой раны, словно надеялся, что это поможет избавиться от кошмара.

– Что мне делать? – закричал Никита. – Как помочь?

Но лекарь развел руками.

– Придержи его, чтобы не разбил голову. Будем надеяться, что нежить его не убьет.

– Я сам ее отыщу!

Но Никиту перехватили у двери и вернули обратно.

– Успокойся! Все равно не успеешь. Смотри, Волчонок затих, и кровь больше не исчезает.

– Жив?

– Жив. Только без сознания.

Лекарь проверил пульс и кивнул.

– Подай мою котомку. У двери вон лежит.

Взял протянутую котомку и принялся за дело.

Никита не стал смотреть, как Берт пытался кое-как смыть кровь и залечить разорванную руку. Он отвел в сторону сестру и спросил:

– Что думаешь? Можно снять заклятие?

Девушка помолчала, не обращая внимания на нетерпение брата, и неуверенно кивнула.

– Я слышала о такой магии. Читала где-то. Снять заклятие невозможно. Разве что попробовать убить колдуна, тогда может быть получится. Может быть, – повторила она.

– И что теперь? Идем к колдуну? – холодный тон Никиты не понравился девушке, она уже слышала такой однажды, когда убили их друга, и Никита отправился к его убийце. А еще она помнила, что с того дня прошло пять лет до возвращения брата.

— Я могу связать ведьмину лестницу для твоего друга. Если все получится, то заклятие удастся блокировать. Но он должен всегда носить ее с собой. Если потеряет — умрет.

— Хорошо, а я наведаюсь к колдуну...

— ...и он тут же убьет Волчонка, — договорила Ярослава. — Сначала надо его защитить от заклятия, а потом думать, как быть дальше. К тому же никто не должен знать, что мы делаем. Если не получится, то князь убьет амулет, едва узнав обо всем.

— Ладно. Когда ты сделаешь эту лестницу?

Ярослава усмехнулась, поглядела в окно и ответила:

— Скоро полночь. Постараюсь все сделать до утра.

— Постарайся, ведунья, — вмешался Берт. — У него мало времени осталось.

Девушка кивнула и убежала, словно растворилась в ночи. А Никита сел рядом с другом и подготовился к долгому ожиданию.

* * *

Ярослава вышла в коридор, пустой и тихий, огляделась и негромко позвала:

— Кошка!

В темноте зашуршало, и к девушке приблизилась черная пушистая кошка. Она поглядела на хозяйку желтыми горящими глазами и мяукнула.

— Ты нашла подземный ход из замка? — спросила ведунья.

Кошка в ответ мурлыкнула, и в голове девушки возникли картинки двора. Изображение сместилось, указывая на неприметный куст. Растение было колючим и густым, но кошка упорно указывала на него.

Ярослава кивнула и поспешила за своим тотемным зверем.

Вместе они миновали двор, пересекли тренировочное поле, по левую руку осталась башня колдуна, когда девушка увидела куст, который кошка показывала ей мысленно.

Куст действительно был усыпан мелкими острыми иглами, и Ярослава заколебалась. Тут еще кошка передала изображение огненного шара на ладони хозяйки, но она покачала головой.

— Нельзя, — шепотом ответила девушка. — Рядом башня колдуна, он учуяет магию и поднимет тревогу. Придется пробираться своим ходом.

Яра достала укороченный меч и принялась срубать ветки. Кустарник оказался старым и подсохшим, и работа продвигалась легко и быстро. Вскоре показалась маленькая темная дверь, и Яре пришлось встать на колени, чтобы попробовать протиснуться в нее.

Девушка толкнула дверь, но та не сдвинулась с места, а кошка тут же подкинула картинку, где видна была задвижка с другой стороны.

— Откуда ты знаешь?

В ответ демма показала в ускоренном варианте свое путешествие по тоннелю.

— Понятно. Можешь открыть? Там вроде простое дерево, металлом оно не усилено.

Фыркнув, зверь приблизился к двери, быстрый удар когтями — и задвижка на той стороне развалилась пополам, а заодно отвалился и кусок самой двери.

Подземный ход вывел путешественниц в лес далеко от замка. Ярослава торопливо прикрыла выход, поглядывая на небо, и поспешила к примеченней днем полянке.

Там, как она помнила, был родник и было достаточно хвороста для костра. Девушка спешила. Такое сильное колдовство должно было твориться в урочный час. Для каждого ведуна было свое время, когда все удается, когда силы переполняют тело и стоит протянуть руку — сожмешь в ладони колдовскую нить.

Для Ярославы таким временем была полночь и следующий за нею час. Ее учитель часто говорил, что это самое опасное время, когда можно творить самое черное колдовство, и сама

природа будет помогать. А можно, – добавлял он, – в этот час обратиться к любой травинке, и природа отзовется на зов светлой магии.

Ох, как же нужна была помошь Ярославе. Она не верила, что сможет сплести такую путанку, которая защитит от черной магии.

Почуяв неуверенность ведуны, кошка завела мурлыканье и принялась тереться об ногу хозяйки. И она, ощущив под пальцами мягкий мех животного, принялась за дело.

Натаскала хворост, развела на поляне костер и развязала котомку. На разложенную чистую тряпицу девушка положила моток красных ниток, маленький нож, три мешочка с травой. Каждый она понюхала, проверяя, и только после этого аккуратно выставила рядом. В четвертом мешочке оказались разноцветные бусины, их девушка тоже положила перед собой.

Огляделась и взялась за нитки.

Отмотала длинную нить и отрезала ножом, при этом губы девушки беззвучно двигались, что-то шепча. За первой нитью она отмотала еще две и отложила моток.

Подняла одну нить, пропустила между пальцев, насыщая ее своей силой, полюбовалась отблеском пламени на ней.

– Быть тебе воздухом чистым, – прошептала ведунья, – защити от взгляда дурного, пусть вернется зло к сотворившему его.

Подняла руку перед собой и мягко сжала ладонь.

– Быть тебе нитью крепкой, – повернула ладошку, вглядываясь в нее, и плавно притянула к концу алои нити, привязала что-то. Воздух завибрировал, хлопнуло где-то за лесом, но ведунья даже головы не подняла. Снова стала пропускать нить между пальцев, только на этот раз рядом с ней показалась еще одна, прозрачная, воздушная, она словно срасталась с алоей нитью.

Закончив с первой, Ярослава взялась за вторую.

– Быть тебе пламенем чистым. Защити от поступка дурного, пусть зло обойдет стороной.

Девушка поглядела на огонь и протянула руку. На миг она испугалась, что не получится, помедлила, но отступать было поздно. И ведунья приблизила руку к огню, мягко сжала лепесток пламени и потянула. В пальцах оказалась тонкая огненная нить. Она извивалась и пылала, но послушно следовала за рукой мастерицы.

Ярослава связала концы нитей огненной и алои и пропустила между пальцев.

Когда пришел черед третьей, Яра склонилась к роднику и опустила руку в холодную воду.

– Быть тебе водой прохладной. Защити от мысли дурной, пусть прольется зло сотворившему слезами горючими.

И соединила алую нить с синей водяной.

Убедившись, что пока все идет правильно, девушка свела концы нитей вместе и связала. Ловко двигались пальцы ведуны, когда она принялась вязать узелки, каждый проверяла на прочность, чтобы не развязался ненароком. Время от времени она выбирала бусины и вплетала в ведьмину веревку. Нити, словно живые, сплетались в прекрасный узор, ни одна не порвалась, не запуталась. И ведунья начала верить, что на ее зов откликнулись, помогают, ведут руки мастерицы.

Пока плела, вскрикивала. Нити резали ладони, чтобы кровью усилить колдовство. Снова шептала что-то тихо-тихо, вплетая в лестницу заветные слова.

А когда закончила, положила готовую ведьмину лестницу на тряпицу и тут же завернула в нее.

– Ну, вот и все, – сказала девушка, поглаживая кошку за ушком. – Пора возвращаться в замок. Может, еще выспись успею.

Кошка откликнулась согласием, передав хозяйке картинку уютной кровати в их доме и себя на толстом одеяле. И Яра облегченно рассмеялась, отпихивая наглое существо.

* * *

Князь провел день в заботах и удивил этим немало народа, в первую очередь брата. С самого утра Дорин против обыкновения не отправился в библиотеку, а вышел в зал приемов. Люди расступились, пропуская князя, а вслед ему несся удивленный шепот.

Николас встал с княжеского кресла и с поклоном отступил.

– Сегодня ты сам будешь принимать просителей?

Дорин с достоинством сел и откинулся на высокую спинку. Он успел забыть, что кресло жесткое и неудобное.

– Да, – и махнул рукой. Распорядитель стряхнул оторопь и пропустил первого просителя.

Дорин искренне старался сосредоточиться на словах низенького толстяка, но не мог. Воспоминания о прошлой ночи не давали покоя. Силли едва не убила его амулет! Уговоры не помогли, и лишь удар кинжала отбросил вампиршу к стене, а Дорин отбежал и долго орал на нее.

Когда ярость прошла, князь заботливо осмотрел вампиршу, зажила ли рана от кинжала, и облегченно улыбнулся. Он боялся повредить Силли, но не хотел, и чтобы жизнь амулета кончилась так быстро.

Князь нахмурился, погруженный в мысли, но толстяк принял это за недовольство. Он снова принялся раскланиваться и что-то втолковывать. И снова Дорин его не слушал.

«А ведь этой ночью я не смогу ее остановить, – подумал он. – Придется дать ей выпить кровь до конца. Жаль. Теперь нужно ждать целый год, пока я смогу снова дать свою кровь Силли. Ну, не совсем свою, но она будет так близко, будет держать мою руку в своих. Таких прекрасных и холодных, как мрамор».

Дорин мечтательно улыбнулся и прикрыл глаза от удовольствия.

«И все это будет только через год. Как же долго!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.